

САБИТ РАХМАН

ТОЙ

ИСКУССТВО

Сабит Рахман

Т О Й

КОМЕДИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ВОСЬМИ КАРТИНАХ

*Перевод
с азербайджанского
и драматургическая
обработка*
АНАТОЛИЯ ГЛЕБОВА

194 .
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва — Ленинград

Обложка художника
Л. БАСКИНА

ДЕЙСТВУЮТ

Керемов — председатель правления колхоза,
45 лет.

Салманов — секретарь, 40 лет.

Мирза-Хусейн — счетовод, 50 лет.

Муса — кузнец-единоличник, 50 лет.

Зинят — колхозница-стахановка, 23 лет.

Сурхай — культработник колхоза, 24 лет.

Залха — колхозница, 45 лет.

Шейда — учитель, 22 лет.

Камиле — машинистка колхоза, племянница
Керемова, 18 лет.

Мерали, 65 лет	}	колхозники.
Гассан, 40 лет		
Тамраз, 35 лет		
Ширали, 20 лет		

Колхозники, гости на празднике.

Действие происходит в Азербайджане, в годы
третьей сталинской пятилетки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Правление колхоза. Большой беспорядок. Районный телефон старого типа. Керемов, Салманов и Мирза-Хусейн.

Керемов *(по телефону)*. Откуда? Пожарная команда? Отбой дай, барышня! Извиняюсь, извиняюсь, исполком дай! Ис-пол-ком! С ума можно сойти от этой барышни, честное слово... Исполком? Откуда? Опять пожарная команда?! Тьфу! *(Бросает трубку.)* Прямо хоть удавись на нем. Третий день не могу добиться. Ох, эта барышня! *(В трубку.)* Чтоб коммунизма твой дом, барышня, развалил за такую работу! *(Опять бросил трубку, сидит молча, туло глядя перед собой.)* Хлеб в поле гниет, а транспорта нет.

Мирза-Хусейн. Товарищ Керемов, может быть, все-таки насчет ремонта подумаем?

Керемов. До того тут, чтобы думать! Кто ремонтировать будет?

Салманов. Муса в два дня все бы сделал.

Мирза-Хусейн. Верно, товарищ Керемов... Лучше Мусы во всей округе кузнеца не найдем. Ему это раз плюнуть.

Керемов. Нет, дорогой товарищ. В цене не сойдемся. Он мне два-три раза кое-что делал, и до сих пор его счета на моей шее камнем висят. Знаешь ведь нашего исполкомовского бухгалтера? Это, брат,

такой зверь! Ох, эти бухгалтера! Ты меня извини, Мирза-Хусейн, не обижайся, как счетовод.

Мирза-Хусейн. Пожалуйста, товарищ Керемов. Как же все-таки будем? Урожай в поле, плана не выполняем...

Керемов. С частником дел иметь не могу.

Салманов. Какой же он частник? Обыкновенный единоличник.

Керемов. А единоличник не частник? Нет, товарищи. Знаете, что у нас за народ? Учитель один чего стоит! Демагог, а не педагог. Живьем съест, если только узнает. Нет!

Салманов. Мусу народ уважает.

Керемов. Поэтому и нельзя с ним дела иметь. Сейчас они его уважают, а завтра наедет из района ревизия — и все, как миленькие, в сторонку, а я, Керемов, один свою грудь подставляй! Нет, не могу.

Мирза-Хусейн. Все равно в конечном, как говорится, счете вам отвечать за прорыв.

Керемов. Почему это? Я, что ли, один виноват, что у колхоза только десять телег и у всех колеса вроде этого телефона? Машины тоже не я ломал. Будьте покойны: у меня все запротокколировано. Да разве это деревня?! Занес чорт колхоз в такую глушь, что сам, наверно, когда отсюда выбирался, ноги себе переломал! Ни связи с городом, ни телефона... Мудрено ли, что и машины и телеги ломаются?

Салманов. А все-таки хлеба пропадать нельзя.

Мирза-Хусейн. По нынешним временам восемь тысяч пудов хлеба сгубить — самому на восемь лет сесть. Протоколами, товарищ Керемов, не отделаемся. Надо ремонтировать, как хотите.

Салманов. Звать Мусу, и все тут.

Керемов. Что-то мне, Мирза-Хусейн, не нравится твой разговор. Чем-то от него нехорошим пахнет.

Мирза-Хусейн. Товарищ Керемов! Сохрани меня аллах, если я...

Керемов. Ей-богу, это не колхоз «Заря», а колхоз «Самокритика»! Сегодня еще уважаемая Зинятуханум из Баку пожалует. Думали, хоть немножечко передохнем, пока она там на конференции прохладается. Отдохнули! Приедет — чувствую — опять заварится каша. Клянусь и моей и вашей душой, если только я увижу, что она снова начнет тут воду мутить, я больше не посмотрю, что она женщина! Я об нее оба конца палки обломаю! Всех об этом предупреждаю.

Мирза-Хусейн. Зинят, товарищ Керемов, штучка тонкая.

Керемов. Тонкая или толстая, это меня не касается. Я знаю одно: она женщина. А пословица не зря говорит: самому аллаху не разрушить того дома, который может разрушить женщина.

Салманов. Уж очень ее народ сильно любит.

Керемов. Народ и вашего муллу любит.

Салманов. Какого муллу?

Керемов. Мусу!

Салманов. Какой же он мулла?

Керемов. Хуже муллы! Мулла жулик, а этот верующий. Любят! Да разве у них есть головы, чтобы знать, кого надо любить?

Мирза-Хусейн. Нет, товарищ Керемов, тут вы не совсем того. Она девушка — первый сорт, стахановка. Это как-то не того, чтобы у председателя колхоза с ней...

Керемов. Ты что это? Опять на самокритику повернул? По той газетке, где ее выступление напечатано?! До этой газетки никто пикнуть не смел, а теперь что ни слово, то самокритика!

Мирза-Хусейн. Сохрани аллах! Просто, так сказать, вроде дружеского совета вам.

Керемов. Керемов в советах не нуждается. Он сам знает, что ему делать. Да ты знаешь ли, что я в своей жизни столько ответственных постов занимал, сколько у тебя волос на голове? Нет, надо мне этим колхозом, наконец, всерьез заняться, подтянуть вас всех, так дело поставить, чтобы каждое мое слово, как в книге законов, было записано! Для чего меня над вами поставили? А? Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Пиши. Срочно. Копия райисполкому.

Салманов. А подлинник кому?

Керемов. Ох, и работать с вами! Если копия райисполкому, значит подлинник райкому партии. Мирза-Хусейн, кликни там, пожалуйста, Камиле, сейчас будем печатать.

Мирза-Хусейн выходит.

(Прохаживается по комнате, заложив руки за спину.)
Пиши. В связи с выполнением и перевыполнением плана колхозом «Заря» и одновременно с возникающими затруднениями в об...

Входит Камиле.

Камиле. Что вам, дядя?

Керемов. Дура! Тысячу раз тебе говорил, что в правлении я тебе не дядя, а товарищ председатель, в крайнем случае товарищ Керемов. Садись за машинку, сейчас будем печатать. Где мы остановились, Салманов?

Салманов. «В об...»

Керемов. Что?!

Салманов. Вы дальше не кончили.

Керемов. А что до этого было?

Салманов. Не упомянул. Я еще только карандаш чиню, товарищ Керемов.

Керемов. Хотя раз у тебя карандаш был в по-

рядке? Ну, как я теперь припомню? Так здорово начал, и все насмарку. *(Камиле.)* Ладно, иди домой. Надо будет — вызову. Марш!

Камиле уходит, в дверях сталкивается с входящим Шейдой.

Шейда. Селям! Еще не приехала?

Керемов. Кто?

Шейда. Сегодня, говорили, Зинят из Баку приезжает.

Керемов. Видишь, бумагу пишем?

Шейда. О том, что приезжает? Или что не приезжает?

Керемов. О колесах! Мешаешь нам. Понял?

Шейда. Интересно. Пишешь в город, что у нас колеса рассохлись?

Керемов. Может быть, с тобой об этом сперва посоветоваться?

Шейда. По-моему, писать в район о такой чепухе все равно, что покойнику банки ставить.

Керемов. Ты смотри, как бы я их тебе не приставил. Оставь меня в покое, пожалуйста, со своей Зинят. Зинят, Зинят! Только и разговору, что о Зинят. Что мне ее — с букетами встречать?

Шейда. Другие встречают.

Керемов. Кого? Кто?!

Шейда. Колхозы. Своих делегатов. А мы даже лошадей не выслали. Безобразие!

Керемов. Тебя не спросили! Ты учитель? Ну, и занимайся своими учениками, а в мои дела не вмешивайся. Кто ее делегировал? Я, Керемов. Кто ее сделал стахановкой? Я, Керемов. Она мне ботинки целовать должна. Ну, приезжает себе — и приезжает. Подумаешь, торжество! Никак я тебя не пойму, товарищ Шейда: ну, что ты все время в чужие дела суешься?

Шейда. Как это чужие? Я член колхоза или нет?

Керемов. Займись своей азбукой! Да почаще постановления о дисциплине читай и с детьми прорабатывай. Я тебя самым серьезным образом предупреждаю: если будешь влезать не в свои дела — худо будет. Салманов, пиши!

Входят Сурхай и Мирза-Хусейн.

Сурхай. Селям алейкум!

Керемов. Нет, этак мы до вечера ничего не напишем!

Сурхай. Что вы? Товарищ Керемов, не знаете, отчего Зинят опаздывает? Уже час, как должна бы прибыть.

Керемов. Радость вы моя... ангелочки вы мои... Вы, верно, думаете, что канцелярия колхоза это вокзал? Да? Или справочное бюро? *(Меняя тон на свирельный.)* Что вы шатаетесь тут без дела? А?!

Сурхай. Потихе нельзя?

Керемов. Что вы шатаетесь, я вас спрашиваю?!

Сурхай. По-моему, кроме вас, никто без дела у нас не шатается.

Керемов *(побагровев)*. Что?! *(Потрясенный, опустился на стул. Молча смотрит на Сурхая и Шейду. Потом вскакивает.)* Молчать!

Сурхай *(громче, с угрозой)*. Потихе, товарищ Керемов!

Керемов. Молчать, я сказал! Запрещаю произносить в правлении такие слова!

Сурхай. Еще и не такие услышите.

Керемов. Грозишь? Ладно. Я с вами поговорю со всеми на собрании. Я с вами, голубчики, поговорю. Вы у меня покритикуете... *(Нервно перебирает бумаги на столе, потом выбегает из комнаты.)*

Мирза-Хусейн. Товарищ Керемов! *(Уходит за ним.)*

Салманов, покачив головой, тоже уходит за ними.

Сурхай. А ты, Шейда, что тут делаешь?

Шейда. То же, что и ты.

Сурхай. То есть?

Шейда. О Зинят пришел справиться.

Сурхай *(окинув его ревнивым взглядом)*. О Зинят?

Шейда. Ужасно волнуюсь.

Сурхай *(так же)*. Вот как!

Шейда. Она мои стихи в Баку повезла, в газету. Понимаешь? Вот и не знаю, приняли или нет?

Сурхай *(рассмеявшись)*. В газету? По-моему, их надо бы в больницу отдать, докторам. Замечательно помогли бы больным.

Шейда. Спасибо, Сурхай. Ты один меня понимаешь. У тебя тоже душа поэта.

Сурхай. А ты меня не понимаешь. По-моему, от твоих стихов самый тяжелый больной так вспотеет, что сразу поправится.

Шейда. Ах, ты вот как!

Сурхай. Шучу, милый, шучу! Хорошие стихи. Ох, не терпится мне ее увидеть! Может быть, едет? *(Выглядывает в окно.)* Едет! Ей-богу, едет!

Оба выбегают стремглав. Некоторое время сцена пуста. Потом входит забрызганная грязью Зинят, сопровождаемая Сурхаем, Шейдой, Керемовым, Мирза-Хусейном, Салмановым и Мерали, несущим ее чемодан.

Мерали. Словили-таки голубку! Думали, совсем улетела от нас. Нет, шалишь! Опять наша!

Зинят. Дядя Мерали, ну, зачем вы мой чемодан схватили? Ведь вы же старенький!

Мерали. Я? О-го-го!

Сурхай. Дай сюда, Мерали! *(Пытается отнять чемодан.)*

Мерали (с шутливой угрозой). Отойди! Я вам покажу, какой я старенький! (Ставит чемодан на пол.) Уф! (Устало сел на него.)

Общий смех.

Сурхай. Ну, как, Зинят, Баку?

Зинят. Ой! Такой красавец стал город! Не уехала бы!

Керемов. Я думаю. Это вам не колхоз «Заря». Ну, Зинят, ты отдохни с дороги, а потом придешь ко мне с докладом.

Шейда. Машалла! Грязи-то, грязи на тебе!

Зинят. Да. Дороги у нас неважные. Просто стыдно за наш колхоз.

Керемов. Вот ты увидишь, что я с ними через год сделаю! С одного конца на другом яичко можно будет заметить.

Сурхай. Не вам бы это, товарищ Керемов, говорить.

Керемов. Ты опять?

Сурхай. Раньше прекратите безобразия, которые у вас под носом творятся.

Зинят. О каких ты безобразиях?

Мерали (махнув рукой). Эх! Хлеб в поле видала? Скосить скосили, а возить не на чем. Ни машин, ни телег.

Керемов. Я уже написал в район. Вот.

Зинят. О чем?

Керемов. О колесах.

Зинят. Станный вы человек, товарищ Керемов. Неужели вы думаете, что у них там нет более важных вопросов, чем наши колеса?

Керемов. Начинается!

Сурхай. По-моему, товарищ Керемов, продолжается. Она уже на конференции много дельного про наш колхоз рассказала.

Шейда. Да! Эту газету, с твоим выступлением, приятно было читать.

Мерали. До дыр зачитали.

Керемов. Об этой газете и выступлении мы еще потолкуем. Я, между прочим, уже написал о нем в район и в центр.

Зинят. Интересно: что?

Керемов. То, что ты не выполнила моей председательской директивы.

Зинят. У меня директива одна — правда.

Керемов. Брось, товарищ Зинят! Самокритика вещь хорошая, но надо все-таки согласовывать, не отрываться от масс и от руководства. В общем, мы об этом поговорим.

Зинят. Поговорим, конечно. Между прочим, товарищ Керемов, когда я была в райкоме, мне показали вот такую пачку ваших писем и сказали, что на эти письма собираются обратить особенное внимание.

Керемов (радостно). Особенное?

Зинят. Да.

Керемов (всем, с торжеством). Слышали?

Зинят. Секретарь райкома считает, что лучше было бы, если б вы всех этих писем не посылали, а решали такие вопросы на месте.

Керемов. Что? Секретарь райкома это считает?

Зинят. Да.

Керемов. Он сам тебе это сказал?

Зинят. Да.

Общая пауза.

Керемов. Не верю! Выдумка! Я это проверю во всех инстанциях, и ты мне ответишь за такие слова и за свое выступление. (Потрясая газетой.) За это вот!

Зинят. Тому, кто неправ, отвечать придется. Это ясно. (Отворачиваясь от него.) Рассказать вам, товарищи, новости?

Мирза-Хусейн. Хорошие?

Зинят. Очень. Во-первых, нарком земледелия, учитывая, что мы отдаленный колхоз, выделил нам еще две машины.

Салманов. Да ну?!

Керемов. Легковые?

Зинят. Нет, грузовые.

Керемов. Не возьму! Мне нужна машина для объезда участков. Не буду же я на грузовике по полям таскаться!

Зинят. Нам их не для этого и дают, а для грузов.

Керемов. Категорически откажусь! Неэкономично! Слишком много бензина сожрут! Один грузовик, один «газик» или «эм-один» — так еще куда ни шло.

Зинят. Потом насчет моста. Товарищ Керемов уже сколько времени старается, все никак не может сдвинуть этот вопрос. А мне удалось. Смету оставила. Обещали утвердить. И даже денег уже отпустили немало. С железом только, говорят, трудно будет. Но все-таки обещали.

Мерали. Расцеловать бы тебя за это! Вот спасибо! Ведь как этот мост народу нужен.

Керемов (криво улыбувшись). Где ж мне с тобой тягаться! Ты красавица. Для тебя не только мост, железную дорогу сюда проведут.

Мерали. Нехорошие ты слова говоришь, Керемов.

Керемов. Еще ты меня будешь учить? Ох и народ! Шуток не понимаете. За мост, Зинят, выношу тебе благодарность. Надо будет на следующем общем собрании поставить вопрос о названии этого моста. Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Созывай на завтра собрание.

Зинят. Товарищ Керемов! Как это можно созы-

вать собрание, да еще по такому вопросу, в самое горячее время?

Керемов. Ей-богу, они меня скоро запеленают, как ребенка!

Шейда. В один пакетик с Мирза-Хусейном?

Мирза-Хусейн. Ты меня зря не задевай. Я сижу себе и молчу. Считаю на счетах. А тронешь — так увидишь, что я тоже кусаться умею.

Керемов. Бойтесь, что колхозники захотят назвать этот мост именем товарища Керемова, который первый поставил о нем вопрос в центре? Да? Не бойтесь. Если даже предложите, все равно откажусь. Салманов, письмо о колесах отправлено?

Салманов. Нет еще.

Зинят. Товарищ Керемов, за это письмо нас в газетах высмеют. Стыдно писать такие письма. Позовите кузнеца Мусу, и он вам починит колеса. Смотрите, как бы не обвинили во вредительстве за такие письма. Пока вы будете переписываться, хлеб весь сгниет.

Керемов. Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Слышал? Она меня назвала вредителем. Зафиксируй. И пусть она сейчас же, тут же напишется. Я этого так не оставлю. Я, Керемов, старый партизан — вредитель? Я?! Подписывайся сейчас же, если ты только не баба! Ну?!

Зинят. Керемов... Я, правда, устала с дороги. Потом потолкуем.

Шейда. Мы сами напишем, что нужно, и подпишемся.

Керемов. А тебя никто не спрашивает! Сами вы все тут вредители и дезорганизаторы! Клянусь богом, выведете вы меня из терпения. Мирза-Хусейн! Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Забирайте все ваши монетки, идите работать в другое место. Тут нам не дадут!

Салманов и Керемов уходят.

Мерали. Ну? Что ты скажешь?

Зинят. Нужно с этим кончить.

Сурхай. Пора!

Шейда. Просто терпенья больше нету.

Мерали (Зинят). Идем. Отдохни, дочка. А там подумаем вместе, как нам быть. Что ни скажешь, все по-твоему сделаем. Ты у нас умница. (Уходит.)

Зинят. Шейда! Твое порученье я выполнила.

Шейда. У меня сердце разрывается от ожидания. Ты была в редакции?

Зинят. Да. У самого редактора. Когда он начал читать твоё первое стихотворение, у него на лице показался страх. От второго стихотворения насупились брови и весь он стал, как туча, из которой вот-вот повалит снег...

Шейда (с отчаянием). Зинят!

Зинят. А когда он прочел третье, туча рассеялась, снег растаял и взошло солнце.

Шейда (в восторге). Зинят!

Зинят. Он сказал, что третье можно доработать и напечатать.

Шейда. Он обещал?!

Зинят. Даже напечатал. Вот. Пожалуйста. (Дает газету.)

Шейда (схватил газету, читает, в упоении смотрит на собеседницу, готовый заключить ее в объятия).

Зинят! Ты не понимаешь, как я счастлив!

Зинят. Понимаю, милый.

Шейда. Побегу, покажу.

Зинят. Кому?

Шейда. Ей! Всем! (Убегает.)

Зинят. Как он рад!

Сурхай. Еще бы! Чуть не обнял тебя.

Зинят. Пусть обнимает кого-нибудь другого.

Сурхай. Вот как! (Смотрит на нее ревнивым взором.) Так тебе, ты говоришь, так понравилось в Баку, что даже не хотелось уезжать?

Зинят. Ах, как там хорошо! Какой город!

Сурхай. А люди еще лучше, наверно? Особенно если их сравнить с такой серой деревенщиной, как я Да?

Зинят. К чему ты это говоришь?

Он молчит, уставив глаза в пол.

(Подошла к нему ближе.) И в колхозе, Сурхай, и в городе есть люди чуткие и не чуткие. От тебя я не ожидала, что ты не поймешь, с каким я чувством приехала. Если бы только ты понял, Сурхай, как меня изменила эта поездка! Сколько я в себе чувствую новых сил! Как мне хочется вместе с тобой, со всеми вытащить наш колхоз из болота, в которое его загнал Керемов! Ведь мы с тобой комсомольцы, Сурхай. Может быть, ты это забыл?

Сурхай (глухо). Прости, Зинят.

Входят Керемов, Мирза-Хусейн и Салманов.

Керемов. Они еще здесь! Нет, я отсюда сбегу. Никакой нет возможности работать. В правлении — лезгинский базар. В клубе репетиция. В школе курсы какие-то, шум, гам. Дадите вы мне покой или нет?

Зинят. Постараемся, товарищ Керемов.

Керемов. Завтра утром изволь мне представить письменный рапорт о поездке.

Зинят (шутливо козыряя по-военному). Слушаю, товарищ начальник! (Смеясь, уходит.)

Сурхай за ней.

Мирза-Хусейн. Как же насчет колес, товарищ Керемов?

Салманов *(робко)*. Может, вызвать Мусу?

Керемов. К чорту! Все уши мне прожужжали этим Мусой!

Салманов испуганно втянул голову в плечи.

Пиши! С завтрашнего утра передать ремонт колес кузнецу Мусе.

Мирза-Хусейн. Очень хорошо, товарищ Керемов! Очень хорошо!

Керемов. Доконали, будь вам всем пусто! Нервов больше нехватает. *(Салманову.)* Пиши! «Принимая во внимание, что колеса телег, разошедшие в силу условий погоды, каковые, будучи особенно неблагоприятными вследствие исключительно жаркого времени, и в то же время ввиду категорической необходимости...» Ну, в общем, изобрази там все, что нужно. *(Откидываясь на спинку стула и утирая с лица пот красным платком.)* Уф.. Устал!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Улица колхоза. Мастерская Мусы. Она закрыта. Идут Сурхай и Шейда. Остановились, закуривая.

Сурхай. Керемов тебя зазвал в гости?! Вот это новость! Что ж он тебе говорил?

Шейда. Четыре часа подряд рассказывал мне свою биографию.

Сурхай. Моли аллаха, чтобы у тебя выкли из жизни эти четыре часа.

Шейда. А потом, после такой артиллерийской подготовки, пошел на меня в атаку и стал требовать, чтобы я сделался его человеком, потому что, мол, работники просвещения прежде всего должны стоять за правду.

Сурхай. Кто только не лапает эту бедную празду! Керемов — и правда!

Шейда. Видишь ли... Как-никак, он основал наш колхоз.

Сурхай. А теперь сам его разваливает. Что ж ты ему на это сказал?

Шейда. Разве он даст что-нибудь сказать, когда сам говорит? Я только ел. А племянница и не говорила и не ела, а все только посмеивалась.

Сурхай. По-моему, ты из-за племянницы и пошел к нему.

Шейда. Тебя, кажется, интересуется Керемов?

Сурхай. А все-таки угадал? А?

Шейда. Я о таких вещах разговаривать не люблю. К тому же и вопрос еще, как говорится, не проработан.

Сурхай. Да, трудновато его проработать при таком дядюшке.

Шейда. А ты? Прорабатываешь? Или тоже трудновато?

Сурхай. Я о таких вещах тоже предпочитаю молчать. *(Всматривается в сторону.)* Подожди-ка... Мне нужно сказать пару слов...

Шейда. Кому? *(Посмотрел.)* А! Понятно. Ну-ну, говори. Желаю успеха.

Сурхай. Я тебе тоже.

Шейда. Спасибо. *(Уходит.)*

Входит Зинят.

Зинят. Что ты стоишь тут, Сурхай?

Сурхай. Так. Случайно.

Зинят. Как телеги? Не знаешь? Муса что-нибудь сделал? Может быть, уже начали возить? Ты Керемова не видал?

Сурхай. Ты ужасная девушка, Зинят. Одним духом предлагаешь четыре вопроса. Не сообразишь, что и ответить.

Зинят. Потому что, я вижу, опять у тебя голова не тем занята.

Сурхай. Ах, Зинят!

Зинят. Ну? Что с тобой?

Сурхай (вздыхнув). Все то же.

Зинят (в сторону). Вот несносный! (Ему.) Если опять насчет любви, то говори об этом лучше с кем-нибудь другим, а не со мной. Я в этих делах малограмотна.

Сурхай. Могу с тобой подзаняться.

Зинят. Спасибо. Не к спеху. Так ты и не ответишь на мои четыре вопроса?

Сурхай. Ответчу. Видел ли я Керемова? Не видел, нет. Оделал ли что-нибудь Муса? Не знаю. Как телеги? Начали ли работать? Я знаю, что моя собственная телега потеряла все четыре колеса и оставила меня одиноким на этой улице.

Зинят. Сурхай, ты серьезно болен.

Сурхай. Очень серьезно.

Зинят. И давно это с тобой?

Сурхай. Уже год.

Зинят. Год?!

Сурхай. Да, ровно год.

Зинят. Честное слово, Сурхай, я этого не знала. Можно ли так запускать болезни? Что ж у тебя болит, мой бедненький? Мозги?

Сурхай. И мозги, и душа, и печенка, и сердце. Все.

Зинят. Так тебя надо скорее отправить в Баку. Там какие хочешь болезни вылечивают. Хочешь, похлопочу?

Сурхай. Нет. Баку мне не поможет. Меня могут вылечить только здесь.

Зинят. Отчего ж ты не лечишься?

Сурхай. Здешний доктор, понимаешь ты, не обращает на меня никакого внимания.

Зинят. Да что ты? Такой доктор никуда не годится.

Сурхай. Еще как годится! Только у него, как видно, нехватает опыта.

Зинят. Поищи другого, поопытнее.

Сурхай. От такой болезни, Зинят, может вылечить только один доктор, хотя бы он был и совсем неопытный.

Зинят. Удивительная у тебя болезнь! Если бы я была на месте этого врача, я бы наверно тебя вылечила.

Сурхай. А ты попробуй.

Зинят. Где уж мне! Я сама ищу себе врача.

Сурхай. Ах, ищешь?! Может быть, и в Баку искала?

Зинят. Сурхай!..

Сурхай. Зинят!..

Зинят. Брось эти глупости. Надоело. Не до этого мне.

Сурхай. Я тебя не понимаю, Зинят. Разве нельзя в одно время и дело делать и...

Зинят молчит.

Целые сутки уже, как приехала, и ни разу на меня не взглянула как следует.

Зинят (уставившись на него в упор). Вот! Пожалуйста!

Сурхай. Ты все смеешься.

Зинят. А тебе хочется, чтоб я плакала? Сурхай... Я тебе очень серьезно хочу сказать: я очень боюсь, чтобы меня кто-нибудь не заставил плакать. Мне так хорошо сейчас жить, работать, учиться! Я не хочу спешить. Понимаешь?

Сурхай. Зинят... родная моя... Неужели ты думаешь?..

Зинят. Я ничего не хочу сейчас думать об этом. Ничего. Я хочу работать, петь, читать книжки, сме-

яться, плясать... Ну, хватит об этом. Не знаешь, где Камиле? Я ее еще не видала, как приехала.

Сурхай. Вот! Всегда так. Говоришь со мной, а ноги тебя тянут в сторону.

Зинят. Ах, Сурхай, Сурхай! Какой же ты глупенький!

Входит Залха.

Залха. Тут эти! Куда ни посмотришь — парочки шепчутся!

Сурхай. Будет тебе, тетя Залха! Мы говорим о серьезных делах.

Залха. Знаю я эти серьезные дела. Сама о них с покойником мужем беседовала.

Зинят (вспыхнув). Тетя Залха, надо думать, что говоришь! Стыдно! (Уходит.)

Залха. Ишь ты! Ишь! Разве я сказала, что нельзя шептаться? Шепчитесь себе на здоровье. Только про колхоз не забывайте. А то у нас все хозяйство, как старая мельница, а вы тут своими делами занимаетесь. Вот я о чем говорю.

Сурхай. Это, тетя Залха, просто приятно слышать. Ты женщина нового типа.

Залха. Пусть твоя мать будет нового типа! Ты мне скажи-ка лучше, почему ты меня не записываешь на курсы неграмотных? Открываются курсы или нет?

Сурхай. Открываются.

Залха. А я что же? Лицом тебе не нравлюсь?!

Сурхай. Сразу ты ссориться! Хочешь, так запишу.

Залха. Что значит — «хочешь»? Если ты составляешь список неграмотных, так должен мое имя поставить на самом первом месте! Понял? Или это тебе другим способом объяснить?

Сурхай. Нет, нет. Не надо других способов. Вот. Записываю. Залха... Чья дочь?

Залха. Дочь окаянного! Дочь проклятого! Если

бы мой отец тридцать лет назад научил меня грамоте, я бы не нуждалась в таких, как ты. Записал?

Сурхай. Записываю.

Залха. Прочти. Как ты записываешь?

Сурхай. Номер первый. Залха, дочь окаянного и проклятого.

Залха. Что?!

Сурхай. Как ты сказала, так и пишу.

Залха. Окаянный и проклятый ваш Керемов! Мирза-Хусейн зажил у меня десять трудодней, а он тарашит глаза, как буйвол, и молчит. Лучше, малый, ты меня не сердь, а то я, клянусь Хазрат Аббасом, такой шум подниму, что тебе хлеб польною, а вода горькой микстурой покажется! Зачеркни сейчас же эти слова: «дочь окаянного».

Сурхай. Зачеркнул. А что писать?

Залха. Не знаешь, как моего отца звали?

Сурхай. Честное слово, забыл.

Залха. Ты скоро от этих молодых девушек и свое имя забудешь!

Сурхай. Тетенька Залха! Что ж мне, бежать от них из деревни, что ли? Говори скорее, как записать, а то мне некогда.

Залха. Со мной ему некогда говорить! А с девчонками...

Сурхай. Тетя Залха, не отравляй мне счастливую и радостную жизнь!

Залха. Что? Я — отравя? За это я тебе такую свадьбу устрою, что из тебя материнское молоко кипяченым выльется!

Сурхай. Что тебе надо от меня, тетя Залха? Хочешь, чтобы я покончил жизнь самоубийством?

Залха. Все равно не спасешься! Я над твоим гробом произнесу такую речь, что ты на ноги вскочишь.

Сурхай. Ох...

Залха. Пиши: дочь Рустама!

Сурхай. Слава тебе, аллаху! *(Пишет.)*
Залха. Первой меня записал?
Сурхай. Первой, первой.
Залха. То-то. А где Керемов?
Сурхай. Что я его, стерегу?
Залха. Я с ним такое сделаю, что он у меня все сказание о Кереме от начала до конца пропищит! Прощай, малый. *(Уходит.)*
Сурхай *(садится, утирая пот со лба)*. Уф... Никого, господи, так не испытывай!

Идет Муса, направляясь к своей мастерской.

Эй, дядя Муса! Как тебя зовут?

Муса *(остановившись, степенно)*. Зачем тебе знать, как меня зовут?

Сурхай. На курсы ликбеза хочу тебя записать.

Муса. Эль-канисетин мюстегриз эль-разим!

Сурхай. Как? Это твое имя?

Муса. Это стих из Корана, невежда.

Сурхай. Ты все свое! Я по-арабски не понимаю.

Муса. Уйди с моих глаз.

Сурхай. Подожди, подожди... Ты послушай. Там тебя в два счета обучат и читать и писать.

Муса. На том языке, который мне нужен, я и читаю и пишу.

Сурхай. Так ведь это по-арабски. А то новая азбука.

Муса. А зачем мне новая азбука?

Сурхай. Как зачем? Газеты будешь читать.

Муса. А зачем мне газеты?

Сурхай *(опешив)*. Гм... Разве тебе неинтересно?

Муса. Нет.

Сурхай *(в сторону)*. Тьфу! *(Ему.)* Да ты что, враг советской власти, что ли? В колхоз не идешь, на курсы записываться не хочешь, в общественной жизни участия не принимаешь. Колеса-то будешь чинить?

Муса. Какие колеса?

Сурхай. Наши, колхозные.

Муса. Если колхозные — не буду.

Сурхай. Нет?!

Муса. Нет.

Сурхай. Да ты кто такой?

Муса. Созданы аллаха.

Сурхай *(в сторону)*. Поди-ка, поговори с ним! *(Ему.)* Брось, дядя Муса, глупить. Я записываю. Как твое полное имя?

Муса. Не скажу. Прочь, говорю, с моих глаз! А не то я брошу на тебя такой взгляд, что ты вмиг растаешь, как воск.

Сурхай. Что?

Муса. То, что я сказал. *(Открыв мастерскую, скрывается в ней.)*

Сурхай смотрит на дверь с опаской. Потом, почесав затылок, идет к мастерской и стучит.

Сурхай. Все-таки я тебя, чорта, переупрямлю.

Муса *(показываясь)*. Опять ты?

Сурхай. Дядя Муса! Скажи мне толком: отчего ты не хочешь записываться?

Муса. Оттого, что я с вашим колхозом никаких дел иметь не желаю.

Сурхай. Скажи, почему?

Муса. Потому что я раньше работал для вас, старался. А когда ваш Керемов на собрании обозвал меня муллой и чортовым семенем — я сказал себе: «отряси прах дома лжи от своих ног и не вмешивайся в дела нечестивцев».

Сурхай. Из-за Керемова, значит? Видишь ты, дядя Муса... Мы сами с Керемовым не очень-то ладим.

Муса. Меня не интересует, кто у вас с кем не ладит. Во всем этом селе есть только одно существо,

которое меня интересует. А все остальное далеко от меня, как звезды от преисподней.

Сурхай. Это что же за существо?

Муса. А тебе что до этого?

Сурхай. Нет, я так просто.

Муса. Если бы даже я тебе сказал, все равно твой незрелый мозг не поймет глубин, которые мне открываются в этом существе.

Сурхай. Ладно. Незрелый, так незрелый. А все-таки я записываю.

Муса. Сказал тебе: эль-канисетин мюстегриз эль-разим! *(Скрывается.)*

Сурхай растерян. Входят Зинят и Камиле.

Зинят. Ты все еще тут, Сурхай? Почему не идешь в клуб?

Сурхай. Если приказывает такая девушка, как ты, я готов пойти не только в клуб, хоть в преисподнюю, про которую мне сейчас говорил Муса.

Зинят. Ты с ним разговаривал?

Сурхай. Разве не видишь? Отчего с меня пот градом льет?

Камиле. А где Шейда?

Сурхай. Что-то ты больно часто Шейду вспоминаешь.

Камиле. Я его хотела спросить о вечерних курсах.

Сурхай. Спроси меня. Может быть, тебя не вечерние курсы интересуют, а ночные?

Зинят. Ну, ты не смущай девочку. Найди Шейду, и приходите в клуб.

Сурхай. Слушаюсь.

Девушки уходят. На пороге мастерской появляется

Муса, восторженно смотрит вслед Зинят. Сурхай заметил его.

Муса. Сурхай!

Сурхай. Что, дядя Муса?

Муса. Поддержи меня...

Сурхай. В каком смысле?

Муса. Помоги сесть. Нехорошо мне.

Сурхай. Нехорошо? *(Подбегает к нему, помогает сесть на пороге.)* Что это с тобой? Ты поблел!

Муса. Лягевлевелля хюветэ биллях, билляхюль элизьюль азим...

Сурхай. Как? Непонятно. Да ты весь дрожишь!

Муса. Фэтэбарэккеллях эхсанюль алигейн...

Сурхай. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю! Может быть, ты это оттого, что я тебя не записал? Совесть схватила? Так я запишу. Сейчас же.

Муса. Молчание! Удержи струю своих слов! Я самый несчастный из людей, Сурхай. Скажи мне: как зовут эту девушку?

Сурхай. Которую?

Муса. Ту, что сейчас была твоей собеседницей.

Сурхай. По-моему, их тут было две.

Муса. Мои глаза созерцали только одну. Кто она?

Сурхай. Очевидно, ты говоришь о племяннице Керемова, машинистке?

Муса. Нет, о другой.

Сурхай *(про себя)*. Вот так соперничек! *(Ему.)* Это, дядя Муса, Зинят.

Муса. Эйля эль-Мехеммед вэ али Мехеммед!

Сурхай. Понял довольно приблизительно. Я тебе больше не нужен, дядя Муса?

Муса. Подожди. Куда она звала тебя?

Сурхай *(в сторону)*. Так я тебе и сказал! *(Ему.)* Никуда. Так просто.

Муса. Эль-канисетин мюстегриз эль-разим!

Сурхай. Ты мне уже пятый раз это говоришь, и я все-таки не понимаю. До свидания, дядя Муса.

Муса. Подожди, говорю тебе! Куда она тебя звала?

Сурхай. Ну, в клуб. Что дальше?

Муса. Клуб? Что это такое? Где он?

Сурхай. Там, где курсы неграмотных. Может быть, теперь запишешься?

Муса. Сурхай, способен ли ты взвалить на свои плечи чужое горе?

Сурхай. Не пробовал. Большое или маленькое? Если маленькое — я, пожалуй, лучше пойду.

Муса. Очень большое, Сурхай.

Сурхай. Тогда говори. Слушаю.

Муса. Пятнадцать лет назад, Сурхай, я проводил в вечный мир из этого временного мира свою жену. С тех пор мое сердце было закрыто для всяких чувств и волнений.

Сурхай (в сторону). Я пропал! Он мне начинает рассказывать всю свою биографию, как Керемов Шейде...

Муса. Пятнадцать лет я занят исключительно вопросами благочестия и непоправимо отстал от жизни. Ты меня понимаешь?

Сурхай. Ты ведь говоришь не по-арабски.

Муса. Слушай дальше. Я уже готовился сам перейти в вечный мир, и вдруг какой-то шайтан взломал заржавевший замок моего сердца, проник в него и лишил меня пятнадцатилетнего покоя. Не сплю. Не могу работать. Днем и ночью вижу перед глазами эту дочь шайтана.

Сурхай (вскочив). Это ты про Зинят?! Говори да не заговаривайся, дядя Муса!

Муса. Голова ее — жемчуг, зубы — перлы. Сама слава, говоря о ней, должна покраснеть со стыда. Понимаешь ты это?

Сурхай (про себя). Кому понимать, как не мне! (Ему.) При чем тут шайтан, скажи пожалуйста?

Муса. Эль-канисетин мюстегриз...

Сурхай. Хватит! Слышал я это уже!

Муса. Как мне поступить, Сурхай?

Сурхай. В ликбез?

Муса. Ты меня не хочешь понять.

Сурхай. Я тебя прекрасно понял, дядя Муса. Видишь ты, в чем дело. Скажем, я тебя познакомлю с этой девушкой. Но ведь она тебя не поймет без арабского словаря, а у нас, по-моему, словаря в инвентарных списках не имеется. И вообще я не думаю, понимаешь ты, чтобы у тебя могло что-нибудь выйти в таких делах в твои годы.

Муса. Ты глуп, Сурхай. Молодость никогда не понимает, что только старость умеет любить по-настоящему. Вы женитесь через полчаса после знакомства, и любовь ваша уходит, как вода в песок. А я бы поставил ее перед собой и молился на нее сорок дней и сорок ночей... (Спохватился.) Тьфу, тьфу! Вот оно, искушение шайтана! Ля илля иль алла вэ Мехеммед разуль алла! Эль-канисетин мюстегриз... (Бормочет невнятно.)

Сурхай. Будет тебе бубнить, дядя Муса. Сколько ни говори, все равно ведь не пойму. Ты говоришь, сорок дней и сорок ночей? Видишь, как ты отстал от жизни? Она же у нас стахановка. Сорок дней и сорок ночей это будет двести трудодней. Нет, она никогда не согласится, чтобы ты столько времени на нее смотрел, а она бы ничего не делала.

Муса. Удержи струю своих слов! Не оскверняй великой любви такими словами.

Сурхай. Что же ты от меня, собственно, хочешь?

Муса. Прежде всего поклянись мне, что никому ничего об этом не скажешь.

Сурхай. Чем же мне поклясться?

Муса. Как чем? Великим, всеблагим, всемилостивейшим, всемилосердным творцом поклянись.

Сурхай. Нет уж, дядя Муса, извини. Я член союза безбожников. Хочешь, просто дам тебе слово, как

комсомолец? Такое слово даю. Будь покоен. Никому ни гу-гу. Можно итти?

Муса. Ступай.

Сурхай. А ей самой как-нибудь намекнуть можно?

Муса. Ей? *(Взволнован.)* Если ты принесешь мне от нее хоть какую-нибудь весточку, я тебя расцелую, как сына, Сурхай.

Сурхай. Есть такое дело! Пока! *(Уходит.)*

Муса *(один, возведя очи к небу)*. Лягевлевелля хюввэтэ биллях, билляхюль элизьюль азим... *(Бормочет молитву, потом смотрит по направлению, куда ушла Зинят, и напевает вполголоса.)*

Есть у тебя любимая — горя не знаешь.
Нет у тебя любимой — счастья не знаешь.

Входят, направляясь к нему, Мирза-Хусейн и Салманов.

(Сам с собой.) К чему ты стремишься, безумец? Ведь не только пища, которую ты поглощаешь, не только волосы на твоих щеках, ты сам, твой мозг, твои мысли, даже железо, которое под ударами твоего молота превращается в тесто, — все обречено на исчезновение.

Салманов *(тихо)*. Что это он говорит?

Мирза-Хусейн. Тс-с-с... Он говорит о науках. Это тебе недоступно. Селям-алейкум, дядя Муса!

Муса. Кто ты, сын человеческий, вонзающий овой голос в мой слух?

Мирза-Хусейн. Я, собственно говоря, не сын человеческий, а всего только Мирза-Хусейн, дядя Муса. Вы меня не узнали?

Муса. А? *(Смотрит на него взором помешанного, потом вдруг узнает.)* А-а! Алейкум-селям.

Мирза-Хусейн. Мы к вам с делом.

Салманов. Очень спешным, дядя Муса.

Муса. Эль-тээнни мин эль-рехаман эледжелейи мин эльшейтан.

Салманов. Как?

Мирза-Хусейн *(толкнув его в бок)*. Это он из Корана.

Салманов. А-а...

Муса. Я сказал: поспешность свойственна только шайтану. Зайдите, пожалуйста, в мастерскую. Расскажите, как живете, что нового. Может быть, чаю выпьете?

Мирза-Хусейн. Спасибо, дядя Муса. Некогда. Сейчас, понимаете ли, все стало наоборот. Не поспешишь — людей насмешишь. Так во всем спешим, дядя Муса, так спешим, что наверно шайтан у себя в преисподней вот так сидит. *(Удивленно вытаращив глаза, засунул в рот палец.)* Вы уж нас извините. В другой раз с удовольствием с вами поговорим. А сейчас дело такое. Излагай, Салманов.

Салманов. Что ж тут излагать? Хлеб надо возить, а телеги все без колес. Десять штук.

Муса. Эль-канисетин мюстеприз эль-разим.

Салманов. Это совершенно правильно.

Муса. Ты разве понял, что я сказал?

Салманов. Вы такой человек, что неправильно не скажете. *(Мирза-Хусейну, тихо.)* Надо подмазать.

Мирза-Хусейн *(Мусе)*. Согласны, значит?

Муса. Сокровенный смысл моих слов был таков: заказы от колхоза не принимаются.

Салманов. Это как же так?

Муса. Так, как я сказал. *(Хочет уйти.)*

Салманов. Подождите, дядя Муса! Знаете, что я вам скажу? Из таких ваших слов контрреволюция может получиться.

Муса. Запугиваешь?

Мирза-Хусейн. Отойди, Салманов, пожалуйста!

(Вкрадчиво.) Дядя Муса, поймите: вы единственный кузнец во всей округе. Всего-то на два дня работы. А из-за вас весь народ без хлеба останется. Народ! Понимаете! Ну? Согласны?

Муса. Эль-канисетин...

Мирза-Хусейн. Будет вам упрямиться! Ну?

Салманов. Может быть, вы думаете, что мы, как в тот раз, облигациями заплатим? Наличными!

Муса. Слово Мусы — железо. Пусть встанет из могилы мой отец и прикажет мне — все равно откажусь.

Мирза-Хусейн. Дядя Муса! Если бы ваш отец встал из могилы, мы бы к вам и не обращались. Он был такой же прекрасный кузнец, как вы.

Салманов. Ну? Согласны, что ли?

Муса. Не согласен и не соглашусь.

Входит Керемов.

Салманов. Что ты с ним будешь делать!

Керемов. Сговорились?

Мирза-Хусейн. Отказывается, товарищ Керемов.

Керемов. Что же это вы, товарищ мулла? Не хотите помочь колхозу?

Муса. Я тебе не мулла и не товарищ.

Керемов. Ах, ты против слова «товарищ»? Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Зафиксируй. Пусть подпишется. Ты не хочешь меня считать товарищем? Подпишись, если ты не баба! Сию же минуту подпишись! Слышишь?! Какое ты имеешь право задерживать нашу работу?

Муса. А ты какое имеешь право на меня кричать?

Керемов. А ты кто таков, чтобы мне указывать?

Муса. А ты кто таков для меня?

Керемов. Молчать! Силой тебя заставлю работать!

Муса. Меня? Еще не родился тот человек, который мог бы меня заставить силой!

Керемов. А вот я заставлю!

Муса. Попробуй!

Керемов. Пиши, Салманов! В центр! Во все советские, партийные, профсоюзные органы! В газеты! Копии: райисполкому, райкому, союзу безбоязников, финотделу, райпровету... Пиши! Бывший мулла, Муса... Как твоя фамилия?

Муса. Я никогда не был муллой! Лжец!

Салманов. Дядя Муса! Молчите! Заклинаю вас... бородой аллаха!

Муса. Сам ты борода аллаха! С такою грамотностью ты в колхозе секретарем? Разве можно заклинать бородой аллаха?! Разве есть у него борода?!

Салманов. Откуда я знаю, что у него есть?

Керемов. В последний раз тебя спрашиваю: отказываешься?

Муса. В последний раз тебе отвечаю: отказываюсь. (В гневе запирает мастерскую на замок, невнятно бормоча арабские проклятия. Вдруг видит входящих Зинят и Сурхай. Преобразился.) Фетэбарэжеллях эхсанюль алигейн!

Керемов. Что это он бормочет?

Мирза-Хусейн (на ухо ему). Благословен создавший тебя.

Керемов. Меня?!

Сурхай. Что тут случилось?

Зинят. Как с колесами, товарищ Керемов?

Керемов. Как? Вот этот религиозник сознательно, то есть, наоборот, несознательно, срывает работу колхоза! Не хочет чинить!

Зинят. Что я слышу, дядя Муса?

Муса. Лягевлевэлля хюввэтэ биллях, билляхюль элизюль азим.

Салманов. С ума он спятил, что ли?

Керемов. Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Пиши протокол! Час укажи. Все точно.
Сурхай. Дядя Муса, что у вас тут случилось?
Муса (в сторону). Помоги мне, господи! Ты сам
нам велел поклоняться красоте.

Зинят. Дядя Муса!

Муса. Явь это? Или меня призывают ангелы?

Зинят. Это я тебя призываю.

Муса. Слушаю — боль твоя да перейдет ко мне...

Зинят. Дядя Муса... Неужели вы и мне откажете?

Муса. Если небо расколется пополам и рухнет на
землю, и тогда я буду готов исполнить любое твое
желание, о Зинят!

Керемов. Как? Что? Готов? И колеса?

Муса. Отойди, дубовый чурбан. (Зинят.) Для тебя
сделаю все.

Керемов. Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Слышал?

Салманов. Слышал, товарищ Керемов.

Зинят. Вот спасибо, дядя Муса! Большое, боль-
шое за это спасибо! (Жмет ему руку.)

Керемов. Зафиксируй немедленно на бумаге,
Салманов: кузнец Муса обязуется сдать все колеса в
трехдневный срок.

Муса. Для нее я их сделаю в сутки!

Сурхай (Керемову). Слышал?

Керемов. Что «слышал»? Что «слышал», я вас
спрашиваю?! Будь у меня такие же глазки и зубки, я
бы — клянусь своей и вашей душой — тоже и машины
получил, и дорогу построил, и мост починил, и коле-
са... Подумаешь, чудо! Ты вот попробуй, сделай-ка
что-нибудь в моем положении!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка первой картины. Камиле печатает на машинке.
Шейда занят стенгазетой, разложенной им на столе.
Издали слышен звук работающих тракторов и голоса.

Шейда (пишет). «Пе-ре-вы-полнила нор-му...» Так.
«...норму... на триста...» Есть «триста». «Про...»

Камиле. Товарищ учитель! Я вас просила повто-
рять то, что вы пишете, про себя. Вы мешаете мне.

Шейда. Я?! Молчу, товарищ Камиле. Если вы мне
скажете, что еще кто-нибудь, кроме меня, мешает
вам хотя бы на другом конце света, я немедленно от-
правлюсь туда и заставлю этого мерзавца...

Камиле. Это, наконец, невозможно! Я вместо
«женщин» написала «мужчин»!

Шейда. Очень странная опечатка.

Камиле. Я не понимаю, зачем вы пришли сюда,
когда в вашем распоряжении вся школа?

Шейда. Здесь я в себе чувствую больше вдохно-
вения.

Камиле. По-моему, вы себя странно ведете для
учителя.

Шейда. Разве учитель не человек? Чтобы не удли-
нять вопроса, я могу вам сказать, что люблю вас.

Камиле. Что?!

Шейда. «Пе-ре-хо-дящее зна-мя...»

К а м и л е. Что вы такое сказали?

Шейда. Вас, вашу тень, вашу машинку, одним словом, все, что к вам относится. Даже старые копирки и корзинку с мусором под вашим столом.

К а м и л е. Вы просто нахал. Я о вас поставлю вопрос на правлении.

Шейда. Если любить — нахальство, тогда Лейла давным-давно бы поставила на правлении вопрос о Меджнуне.

К а м и л е. Я не Лейла, а вы не Меджнун.

Шейда. Тем более.

К а м и л е. Я вас прошу не мешать мне! У меня срочная работа.

Шейда. Я не шучу, Камиле-ханум. Вот послушайте, какое стихотворение я вам посвятил. Две ночи сидел, не смыкая глаз.

Камиле, не слушая его, печатает.

Вы меня слушаете, товарищ Камиле? А товарищ Камиле! (Пауза.) Вы мне не хотите отвечать, а может быть, у меня к вам официальное дело?

К а м и л е. Шейда! У меня от вас голова разболелась.

Шейда. Голова к вашей работе отношения не имеет.

К а м и л е. Вы думаете?

Шейда. Достаточно двух пальцев. Послушайте же!

К а м и л е. Что вы от меня хотите?

Шейда. Чтобы вы выслушали мои стихи.

К а м и л е. Вы гораздо больше выпраете в моих глазах, если не будете их читать.

Шейда. Уверен, что вы откажетесь от этих слов. Слушайте.

О, прислушайся к воплям моей души!
О, пойми, как к тебе я всем сердцем рвусь!
Как чиню вдохновенья карандаши,
Чтобы ими запечатлеть свою грусть!

К а м и л е. Чините карандаши? Ха-ха-ха!

Шейда. Смеяться будете потом. Подождите минутку.

В этом сердце пожары зажгла не ты ль?
О, когда бы оно на груди лилейной,
Вспыхнув, обуглилось, как мотыль,
В керосиновой лампочке трехлинейной!

К а м и л е. Ха-ха-ха-ха! Нет уж, спасибо! У вас, товарищ Шейда, действительно есть сходство с мотыльком, но я не керосиновая лампочка, во всяком случае не трехлинейная. Неужели вы серьезно убеждены, что это стихи?

Шейда (убежденно). Самые превосходные! Какие образы! А? (Подходит к ней.)

К а м и л е. Отойдите, Шейда, сейчас же. Слышите? И вообще уходите. Вы знаете, что дядя мне не разрешает с вами разговаривать.

Шейда. При чем тут дядя?

К а м и л е. Если он нас увидит...

Шейда. Я его так проучу, что он...

К а м и л е. Тогда я лучше уйду сама. (Встает.)

Шейда. Камиле-ханум! Ради бывшего бога! Клянись жизнью: буду работать спокойно и тихо. Только не уходите! Ах, если б вы поняли, что я переживаю! Вы бы...

Входит Мирза-Хусейн. Камиле, пользуясь этим, выскальзывает из комнаты.

Мирза-Хусейн. Работаете, товарищ учитель?

Шейда. Я-то работаю. А вот другие без дела шагают, когда их совсем не просят.

Мирза-Хусейн. Вот что! А ты бы красный флажок на двери повесил, тогда бы я знал, что семафор закрыт.

Шейда. Прошу без намеков, товарищ счетовод.

Мирза-Хусейн. Если бы я был помоложе, я бы

поступал в данном случае точно так же, как ты. В общем желаю успеха, товарищ учитель.

Шейда. Пожелайте его себе, товарищ счетовод! (Собрав свои материалы, быстро уходит.)

Мирза-Хусейн садится к своему столу. Входит Салманов.

Салманов. Один? Как говорится, когда долина пуста — и лиса в ней князь.

Мирза-Хусейн. Сказать тебе новость?

Салманов. Ну, ну?

Мирза-Хусейн. Только что тут учитель с Камиле... Понимаешь?

Салманов. Ну-у?

Мирза-Хусейн. Клянусь нашими жизнями.

Салманов. Хи-хи-хи! Это нам пригодится.

Мирза-Хусейн. Я думаю.

Салманов. Развоним.

Мирза-Хусейн. Уж постараемся.

Салманов. А ты как? Постарался?

Мирза-Хусейн. Вот, готово. Только подписи Керемова нехватает. Пятьсот рублей выписал.

Салманов. Мусе?

Мирза-Хусейн. Да.

Салманов. А нам?

Мирза-Хусейн (шопотом). Как только он распишется в получении, приставлю слева еще одну двоечку, и...

Салманов. Да благословит аллах твою руку!

Мирза-Хусейн. Из пятисот получится две с половиной тысячи. Пятьсот получит кузнец, а две тысячи нам, беднякам.

Салманов. Да наградит тебя аллах еще большею мудростью!

Мирза-Хусейн. Тебя тоже. Кто-то идет!

Салманов (прислушивается). Он.

Входит Керемов, бросает портфель на стол.

Керемов. Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Соедини сейчас же с райисполкомом. Дня не проживешь тут спокойно!

Мирза-Хусейн. Товарищ Керемов, подпишите, пожалуйста.

Керемов. Когда ты, наконец, закажешь факсимиле моей подписи? Рука устает, ей-богу... (Подписывает.)

Салманов. Не отвечает район, товарищ Керемов.

Керемов. Опять эта барышня? Вот проклятие! Пиши отношение, Салманов. Копия райпрокурору.

Салманов. А подлинник?

Керемов. Раз копия прокурору, значит, подлинник в райком партии. Сколько раз я тебе говорил? Пиши. «Известное отставание в выполнении плана колхозом «Заря» и задержки в разрешении возникающих в порядке дня настоящего весьма сложного момента, переживаемого колхозами нашего района...» Пишешь?

Салманов. Никкак, товарищ Керемов, ручку не найду.

Керемов. Эх, Салманов, Салманов! Умная у тебя голова, только на плечи к глупому человеку приставлена.

Мирза-Хусейн. Возят хлеб, товарищ Керемов?

Керемов. А что толку? Вози не вози, все равно рапорт посылать не придется. Опоздаем. И как это люди умудряются сто процентов плана к сроку давать, а то еще досрочно? Просто не понимаю. Жульничают, ясно. Криком? Так больше меня во всем районе никто не кричит. Силой? Умом? У меня и сила и ум есть. А план, точно рак, назад пятится.

Мирза-Хусейн. Помощников у вас нет настоящих. Вот еще вам на подпись.

Керемов (подписывает, не читая). Приказ написан? Где Камиле?

Мирза-Хусейн. Она тут с учителем.

Керемов. Что? С учителем? Ну, что «с учителем»?! Не мямли.

Мирза-Хусейн. Когда я вошел, он тут со стенгазетой своей возился, а она...

Керемов. Со стенгазетой?.. Здесь?!

Салманов. Я слышал, товарищ Керемов, они статеечку против вас готовят.

Керемов. В стенгазете?

Салманов. Хуже. В районной газете.

Керемов. Кто «они»? Он и Камиле?!

Мирза-Хусейн. Может быть, и Камиле. Кто ж их знает? Когда я вошел, они тут так беседовали.

Керемов. Как?!

Мирза-Хусейн. Очень, я бы сказал, задушевно.

Керемов. Еще новости! Этого только мне не хватало! Позвать ее сию же минуту!

Салманов. Слушаю. (Исчезает.)

Керемов. Я ей покажу беседы. А! Пусть себе пишут, что хотят! Клянусь жизнью, я им такую баню устрою, что со всего света народ сбежится смотреть!

Входят Камиле и Салманов.

Где приказ?

Камиле. Вот. (Дает.)

Керемов. Говорят, ты с учителем тут... О чем вы шептались?

Камиле. Мы не шептались.

Керемов. Смотри у меня, Камиле! Я с тобой дома по-родственному расправляюсь. Что там еще? На подпись? Давай! (Берет из рук Камиле бумаги и, подписывая поочередно, швыряет на пол.)

Камиле (подобрав бумаги). Я могу итти?

Керемов. Отправляйся домой и займись обедом. (Указывая на Мирза-Хусейна и Салманова.) Они тоже придут.

Оба кланяются благодаря. Камиле уходит.

Мирза-Хусейн. Можно узнать, товарищ Керемов, что вы пишете в этом приказе?

Керемов. Пишу, что всякий, кто не выполнит плана на все сто процентов, будет мной исключен из колхоза.

Мирза-Хусейн (мягко). Общим собранием?

Керемов. Это формальность.

Мирза-Хусейн. Гениальная идея, товарищ Керемов!

Керемов. Идем, Салманов, расклеим.

Салманов. А отношение в район?

Керемов. Подождет. Это важнее. Мирза-Хусейн, ты тоже, как кончишь дела, приходи к нам на помощь. Надо будет как следует поднажать, провести массовую работу.

Мирза-Хусейн. Слушаюсь.

Керемов и Салманов уходят. Через некоторое время появляется Муса. С любопытством оглядывает помещение, в котором он еще не был.

Муса. Селям-алейкум, Мирза-Хусейн! Вы меня звали?

Мирза-Хусейн. А! Алейкум-селям, шадя Муса. Садитесь.

Муса садится.

Звал, звал. Вот, распишитесь, пожалуйста, в получении пятисот..

Муса отрицательно качает головой.

Что?

Муса. Моим молотом водила любовь, а не корысть.

Мирза-Хусейн. Как? Что? Повтори-ка еще раз.

Муса. То, что человек не способен понять, не объяснишь повторением.

Мирза-Хусейн. Кто-то из нас сошел с ума! Вы не хотите получить деньги, которые вам причитаются за сутки работы, за сорок колес?!

Муса. Нет.

Мирза-Хусейн (растерян). Вот так история... Гм... Тогда... Тогда подпишитесь вот здесь, и до свидания.

Муса. Ничего не стану подписывать.

Мирза-Хусейн (в ярости). Это уж ни на что не похоже, дядя Муса! Нехватало, чтобы я за вас стал подписываться! Вы в учреждении, дядя Муса, а не у меня в гостях! Понимаете? Деньги можете не брать, если вам не хочется, а подписаться обязаны. Обязаны! Слышите?! Вот вам перо, и извольте подмахнуть здесь.

Муса. Ничего я подмахивать не буду.

Мирза-Хусейн (в сторону). Что ты сделаешь с этим ишаком? (Ему.) Ну, что ж... не хотите, как хотите. Только условие: никому ничего об этом не говорить. Понятно? А то я под суд из-за вас попаду. Скажут: не хочет принимать советские деньги, а счетовод колхоза Мирза-Хусейн ему потворствует.

Муса. Говорить я об этом ни с кем не буду.

Мирза-Хусейн. Ну, и чудесно, дядя Муса! Будь благословен твой покойный отец, ты здоров, а я весел.

Входят Зинят, Сурхай и Шейда. Муса, увидав Зинят, обомлел.

Зинят. Керемов здесь?

Мирза-Хусейн. Вышел, товарищ Зинят.

Сурхай. Дядя Муса! В первый раз тебя вижу в правлении колхоза.

Шейда (Мирза-Хусейну). Куда он пошел — Керемов?

Мирза-Хусейн. Не знаю. Зачем он вам?

Зинят. Мы пришли заявить ему протест, как комсомольцы, против его приказа. Как это так можно — исключать за невыполнение плана на сто процентов? Условия надо создать для работы! Примером показывать!

Сурхай (Мирзе-Хусейну, указывая на Зинят). Ты знаешь, сколько она сегодня дала? Пятьсот десять процентов!

Зинят. Сурхай, не обо мне тут речь. Гораздо важнее, что тетя Залха двести процентов выработала.

Шейда. А старик Мерали — полтора.

Сурхай. Если дальше так дело пойдет, мы через полгода самым лучшим колхозом в районе будем, знамя возьмем!

Шейда. А Керемов срывает все дело своим приказом.

Мирза-Хусейн. Я за Керемова не ответчик.

Зинят. Идемте его искать!

Муса (глядя на нее восторженными глазами). Фэтэбэрэккелях эхсанюль алигейн!

Зинят. Что вы, дядя Муса?

Муса. Сохрани тебя боже от щурного глаза. Ты — сам огонь, которым аллах поражает нечестивых.

Зинят. Я не понимаю, что вы говорите. У вас какая-нибудь жалоба?

Муса (в сторону). Господи, дай мне силы! (Ей.) Зинят, свет моего сердца... Я работал день и ночь, и теперь все ваши повозки на полном ходу.

Зинят. Знаю, дядя Муса. Я уже вас благодарила за это.

Муса. Если бы не ты, я этого не сделал бы ни за что на свете.

Сурхай. Ого! Слышишь, Зинят?

Зинят (покраснев). Мне непонятно, дядя Муса...

Муса. Тебе непонятно, что я... (В сторону.)

О, аллах всемилостивый! (Ей.) Чужие уста могут тебе сказать обо мне плохо. Лучше я скажу тебе сам. Я готов поклоняться твоей красоте, Зинят. Не тебе, а красоте! Понимаешь?

Шейда. Вот это да! Ай да дядя Муса!

Сурхай (сердито). При такой папaxe и бороде поведение довольно шустрое.

Зинят. Вы меня, дядя Муса, совсем смутили.

Муса. Прикажи мне еще что-нибудь, свет моих глаз! Знай, что Муса готов отдать за тебя даже жизнь. Клянусь аллахом всеблагим, вездесущим и всемогущим: я сделаю все, что ты мне прикажешь!

Зинят в замешательстве, потом расхохоталась.

Зинят. Побрейтесь, дядя Муса! (Смеется, убегает.)

Сурхай и Шейда уходят за ней. Муса, потрясенный, смотрит им вслед. Мирза-Хусейн наблюдает за ним.

Муса. Что она сказала?

Мирза-Хусейн. Сказала, чтобы ты сбрил бороду.

Муса. Бороду?

Мирза-Хусейн. Поскольку ты поклялся...

Муса. Замолчи! Замолчи! (Пауза.) Если борода стоит между мною и ею и, как забор, препятствует беспредельной любви, пусть она сгинет! Сегодня же преклоню перед цырюльником эти колени, еще дрожащие перед тенью возлюбленной!

Мирза-Хусейн. Нет, верно? Побреешься?

Муса. Прощай, борода! Двадцать пять лет к тебе не прикасалось лезвие бритвы. Четверть века ты мне была вернее и дороже многих людей. Настало время разлуки. Прощай!

Мирза-Хусейн. За мой счет, дядя Муса! Оплачиваю парикмахера.

Муса. Прощай, борода! Прощай! (Уходит.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Полевой стан. Площадка. Скамейки, палатка, где продается чай. Вдали прекрасная панорама гор. Салманов пьет чай. Поспешно входит Мирза-Хусейн.

Салманов. Где ж ты запропастился? У меня чуть сердце не лопается. Ну? Как там ревизия?

Мирза-Хусейн. Отойдем в сторонку.

Отходят.

Отчитался.

Салманов. Слава аллаху!

Мирза-Хусейн. Только Керемов начал шуметь: как могло быть, что за починку колес заплатили две с половиной тысячи? А я ему счет с его собственной резолюцией.

Салманов. Хи-хи-хи!

Мирза-Хусейн. Замолчал. Только глазищи, как буйвол, вытаращил. Потом стал кричать, что кузнец его облапошил и он его отдаст под суд.

Салманов. Ой! А если Муса на суде...

Мирза-Хусейн. Ни слова не скажет. Я его знаю.

Салманов. Постой... А счет? Кто его написал? Ты?

Мирза-Хусейн. А то кто же?

Салманов. А подпись?

Мирза-Хусейн. Подпись его. То есть тоже моя.

Салманов. Новым алфавитом?

Мирза-Хусейн. Понятно.

Салманов (всплеснув руками). Пропали! Он же неграмотный! Только по-арабски умеет!

Мирза-Хусейн (схватившись за голову). Машалла!

Смотрят друг на друга в полной растерянности. Входят Шейда и Камиле, увлеченные разговором. Заметив их, Салманов и Мирза-Хусейн незаметно скрываются.

Шейда. Камиле! Ну, послушай! Если тебе не понравится, ты меня можешь тут же убить.

Камиле. Ни за что! Я еще от тех стихов не пришла в себя! Карандаши... трехлинейная лампочка... Ха-ха-ха!

Шейда. Да не стихи это!

Камиле. А что?

Шейда. Статья! О твоём дядюшке.

Камиле. Статья? Покажи-ка. (Берет у него газету, смотрит.) Твоя? (Смутившись). Ваша?

Шейда. Не «ваша», а «твоя».

Камиле читает. Шейда наблюдает за нею, потом делает вид, что тоже хочет заглянуть в газету, и внезапно целует девушку.

Камиле (гневно). Шейда!

Он отскочил.

(Продолжает читать, хмурясь все больше и больше. Потом бессильным движением опустила руки.) Что ж ты наделал, Шейда?

Шейда. Сказал всю правду. Он использует имя колхоза в личных целях. Самоуправствует. Зажимает самокритику. Грубиянит. Мешает росту колхоза. Понимает всяким жуликам. Разве все это не правда?

Камиле. Он убьет или меня, или тебя, или нас вместе.

Шейда. Если ты меня не любишь, пусть убивает.

Камиле. Шейда! Да знаешь ли ты...

Шейда (бросившись к ней). Камиле!

Они готовы поцеловаться, но в это время входят колхозники, среди которых Зинят, Сурхай, Залха, Мерали, Гассан, Тамраз. Звук гармоники, на которой наигрывает Ширали.

Мерали (увидев Шейду). Вот он! Браво, сынок! Хорошо разделал!

Гассан. Правильная статья.

Тамраз. Молодец, учитель!

Залха. Все правда!

Мерали (Шейде). Чем ревизия кончилась? Не слышал?

Шейда. Говорят, все в порядке.

Зинят. Еще говорить рано.

Сурхай. Ты что-нибудь знаешь?

Зинят (тихо ему). Потом.

Колхозники обращаются в палатку за чаем.

Мерали. Пять стаканчиков бархатного чайку!

Гассан. Дядюшка Мерали и тут рекорд хочет поставить.

Мерали. А ты как думал? Ширали! Спой, что ли?

Тамраз. Ту самую! «Накажи меня бог»...

Ширали. Вчера у меня голос в порядке был—никто не хотел слушать, а сегодня тракторы в горле тархят, а вы: спой...

Мерали. Ничего. Как-нибудь.

Колхозники располагаются на скамейках и на земле, пьют чай и едят. Ширали играет на гармонике и поет.

Ширали.

Накажи меня бог, если, сидя с тобой,
Вспомню гурий небесных и рай голубой...

Мерали. Правильно! Накажи его бог, да как следует.

Тамраз. Сынок! Получи за чай.

На фоне общего негромкого шума голосов — песня. Зинят отвела Сурхай и Шейду в сторону.

Зинят. Вы верите, что Муса мог взять за сорок колес две с половиной тысячи?

Сурхай. Я не верю. Муса не такой человек.

Шейда. Я тоже не верю.

Зинят. А я вам больше скажу: я знаю, что он их не получал.

Сурхай. А как же ревизия?

Зинят. Ревизия не заметила одной вещи. Вы знаете, что Муса умеет писать только по-арабски?

Сурхай. Ну, как же!

Зинят. А его подпись в деле сделана новым алфавитом!

Шейда. Не может быть?!

Зинят. Я сама это видела, только никому ничего пока не сказала. Что делать, ребята?

Сурхай. По-моему, прежде всего спросить Мусу.

Зинят. Правильно.

Шейда. Так он вам и скажет!

Сурхай. Мне скажет! У меня с ним особые отношения.

Шейда. Да? Какие же это?

Сурхай. Секрет. Он мне самую большую тайну свою доверил.

Шейда. Надеюсь, не политическую?

Сурхай. Ясно, не политическую. Политических тайн у меня с ним быть не может.

Шейда отходит в сторону и организует в глубине пляску.

Зинят. Раз ты так близко знаешь Мусу, Сурхай, ты мне должен сказать: в чем дело? Что он вздумал... Ну, что он смотрит на меня так все время? Чуть ли не в любви объясняется...

Сурхай. Не понимаешь?

Зинят. Если бы я понимала, я бы тебя не стала спрашивать.

Сурхай. Мне все известно, но сказать тебе не могу.

Зинят. Сурхай! Ну, скажи!

Сурхай. Нельзя. Дал страшную клятву.

Зинят. Я тебя освобождаю от этой клятвы

Сурхай. А какое ты имеешь право от нее освободить?

Зинят. Как какое? О ком разговор? Обо мне? Значит, прежде всего надо спросить меня.

Сурхай. Гм... Убедительно. Он мне, понимаешь ли, признался в любви.

Зинят. Ко мне?!

Сурхай. Тебе этого, я вижу, очень хочется.

Зинят. Ты с ума сошел!

Сурхай. Ой, хитришь, Зинят! Должен тебя огорчить: к тете Залхе, а не к тебе.

Зинят. К тете Залхе?!

Сурхай. Да.

Зинят. Да что ты говоришь!

Сурхай. Что ты удивляешься? Еще Физули сказал: любовь такая птица, что может опуститься даже на старый лапоть.

Зинят. Ну, и что же?

Сурхай. Он ее так любит, понимаешь ли, что не может на нее даже смотреть. Как только увидит издали — убегает. Боится, чтобы у него сердце не разорвалось от восторга и упоения. А когда случайно встретится с ней с глазу на глаз, сейчас же начинают ругаться.

Зинят. Удивительная любовь!

Сурхай. Вот лоди ж ты. А я ему как-то сказал, что на тетю Залху можно повлиять только через тебя. Вот он к тебе и подъезжает. Понятно теперь?

Зинят. Вот в чем дело!

Сурхай. Поможешь ему, Зинят?

Зинят. Как же я помогу?

Сурхай. Объясни тете Залхе, что Муса в нее влюблен, уговори ее быть с ним ласковей, постараться с ним сблизиться. Она ведь тоже бобылка. Почему бы им не расписаться? А? Я уверен, что она сама об этом мечтает, только стесняется. А мы им поможем.

4 Тод

49

Зинят. Знаешь, что, Сурхай? Давай-ка лучше помогать колхозу, а не чужим романчикам.

Сурхай. Ты все время, Зинят, недооцениваешь, выражаясь научным языком, фактор любви. Если человек любит и его любят, он и работает лучше. А если, наоборот, его не хотят слушать, он и на работе чорт-те что может выкинуть с досады.

Зинят. Что ты за глупости говоришь?

Сурхай. Совершенно серьезно.

Колхозники расходятся. Площадка пустеет. Одна только Залха продолжает пить чай. Уходят и Зинят, Сурхай, Шейда. Появляются Керемов, Мирза-Хусейн, Салманов.

Керемов (с газетой в руках). Знаешь ли ты, что делает лев, когда его ранят?

Мирза-Хусейн. Знаю, товарищ Керемов.

Керемов. Когда лев ранен, но не убит, ни слон, ни тигр против него не устоят. Тронули льва — ну, что ж! Я им покажу свои когти. Весь Баку на дыбы поставлю.

Салманов. Это все Зинят, товарищ Керемов!

Мирза-Хусейн. Зинят, Зинят! И ревизию она вызвала. Я узнал: она в городе специально беседовала об этом с нашим депутатом.

Керемов. Ладно, Зинят! Увидишь, что значит ранить льва. Клеветать на меня! На Керемова! На героя революции! На человека, которого восемь раз били на площадях юзбаши, старосты и прочие старые власти! Человека, который боролся за советскую власть, за колхозы! Для чего я боролся? Для этого? (Потрясает газетой.) Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Есть бумага? Пиши! Срочно! Копия райисполкому и райпрокурору.

Салманов. А подлинник?

Керемов. Сказано тебе раз навсегда: райкому партии!

Салманов. Написал, товарищ Керемов.

Керемов. Пиши дальше. «Я родился в семье батрака в 1895 году, в месяце реджабе...»

Салманов. Товарищ Керемов, в канцелярии есть вот такая кина ваших биографий. Может быть, взять оттуда одну?

Керемов. Нет, те не годятся. Надо все описать гораздо подробнее. Льва ранили, льва! Пиши: «Мне было шесть месяцев, когда моя покойная мать Сакина...»

Мирза-Хусейн. Да благословит аллах ее память.

Керемов. Пусть он благословит и твоих покойников. Итак, где мы остановились?

Салманов. На вашей покойной матушке.

Керемов. Пиши. «Покойная мать моя Сакина умерла, и я вынужден был вместе с отцом выйти на работу в поле». Что смотришь?

Салманов. Шести месяцев, товарищ Керемов, дети обыкновенно еще не ходят.

Керемов. Обыкновенно? А ты пишешь о Керемове! Впрочем, кажется, ты прав. Напиши: «когда мне было два года...» В два года дети ходят?

Салманов. Ходят.

Керемов. А в полтора?

Салманов. Тоже.

Керемов. А в год?

Салманов. Случается.

Керемов. Пиши тогда: «мне был один год, когда...»

Салманов. Товарищ Керемов, может быть, вы мне разрешите написать все самому? Я спокойно сяду дома и сочиню вам такую биографию, что у тех, кто ее будет читать, голова закружится.

Керемов. Ладно, пиши, а потом дай мне на подпись. Льва ранили! Понимаете? Увидите, какую я бурю подниму! Мирза-Хусейн!

Мирза-Хусейн. Слушаю, товарищ Керемов.
Керемов. Задержи выдачу зарплаты учителю.
Мирза-Хусейн. Слушаю.

Керемов. Я его поморю голодом, паразита! По-
хдит он ко мне за своими денежками! А где Муса?
Послал ты за ним?

Салманов. Послал.

Керемов. Этого негодяя я тоже выведу на чис-
тую воду! Две с половиной тысячи за починку колес!
Вредительство! За две с половиной тысячи можно бы-
ло купить десять новых телег! Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Пиши еще одну срочную бумагу. Не-
обычайно срочную, вне всякой очереди. Телеграфом
придется послать.

Салманов. О чем, товарищ Керемов?

Керемов. Или нет, постой... подождем. Уф! Со-
всем с этой паршивой статейкой голову потерял. Идем!
Вечером созываем собрание. Мне надо подготовить
доклад часов на шесть, не меньше. Пошли!

Уходят. Навстречу им идет Муса, сбивший бороду. Никто
его не узнал. Он осматривается. Залха с интересом пригля-
дывается к нему.

Залха. Кого вы, товарищ, ищете?

Муса (*рассеянно*). Жемчуг моей души.

Залха. Как вы сказали? Вам, наверно, правление
нужно? Или сельсовет?

Муса. Я иду за своей душой.

Залха (*в сторону*). Сумасшедший, видать! (*Ему.*)
Вы кто такой, товарищ?

Муса. Ищущий потерянное.

Залха. Вора, что ли, ищешь?

Муса. Можно ли назвать вором того, кто похи-
тил радость? Я всю свою жизнь гнул и ковал железо,
а теперь судьба превратила меня самого в воск.

Залха (*в сторону*). Кузнец! (*Ему.*) Вы, наверно,
нашего кузнеца знаете, Мусу? С такой вот бороди-
щей, вроде муллы, а сам на обезьяну похож.

Муса. Ты сама безбородая обезьяна.

Залха (*вскочив*). Что? Как ты сказал?!

Муса. Вглядишься в меня лучше. Передо тобой стоит
перевоплощение Мусы.

Залха (*узнав его, всплеснула руками*). Муса! Ал-
лах экбэр! Где ж твоя борода?!

Муса. Не спрашивай. Борода не стоит того, что-
бы о ней вспоминать, по сравнению с радостью, зову-
щей меня. Ты этой радости не поймешь.

Залха. А ты растолкуй мне. Может, пойму.

Муса. Прочь с моих глаз, женщина. (*Идет от нее
и сталкивается с возвращающимися Керемовым, Мир-
за-Хусейном и Салмановым.*)

Керемов. Это что за фигура?

Залха. Муса! Не узнал?

Керемов. Муса?! А-а! Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Немедленно протокол. (*Мусе.*) Я тебе,
жулику, припаяю пять лет. Сорвал с нас обманом две
с половиной тысячи, а теперь сбрил бороду, передел-
ся и бежать? Все доказательства налицо. Фиксируй,
Салманов.

Муса. Я не понимаю, что ты мне говоришь.

Керемов. Посадят — поймешь. Счет писал?
Расписывался?

Муса. Ничего я не писал, нигде не расписывался и
никаких денег не брал.

На шум собираются колхозники. Среди них Зинят,
Сурхай, Мерали.

Керемов. Будь я сын пса, а не Керемова, если
не укуе тебя!

Сурхай. Кого вы тут хотите упечь? За что?

Керемов. За обман!
Зинят. Кто это?
Муса. Ты меня не узнала, свет моих глаз?
Сурхай. Муса!
Мерали. Будь ты проклят! Совсем молоденьким стал!

Залха. Прямо плясун.
Керемов. Отвечай сейчас же мне и всему народу: как ты смеешь относиться к колхозным деньгам, как к семечкам!

Муса. Говорю тебе: никаких я денег не брал и нигде не расписывался.

Керемов. Мирза-Хусейн! Есть счет и расписка?

Мирза-Хусейн (*поперхнувшись*). Есть.

Муса. Сгинь с моих глаз, лжец и нечестивец! Не ты ли предлагал мне получить деньги? Не тебе ли я трижды сказала, что не возьму их, потому что руками моими двигала не корысть, а любовь? Не ты ли мне потом предложил расписаться ради формы? Не я ли и в этом тебе отказал? Что ж ты теперь болтаешь?

Сурхай. Открывается тайна!

Керемов. Не верю! Наглый обман!

Мирза-Хусейн. Ни к чему твои плутни не приведут.

Муса. Мои плутни?

Керемов. Фиксируй, Салманов.

Зинят. Пойдите!

Залха (*перебивая ее*). Дай мне сказать! Хотя он себя и опозорил, сбрав бороду...

Сурхай. Почему, тетя Залха? Он так гораздо красивей.

Залха. Молчи! Хотя мы с ним уже тридцать лет живем, как кошка с собакой, но все-таки я скажу, что ни один человек не слышал от него ни одного слова лжи. А ты, Мирза-Хусейн, сердись или не сердись, — лгун и вор. Тебе никто не поверит.

Керемов. Молчать! Ответишь за клевету на честного человека! Голову готов прозакладывать, что Мирза-Хусейн — не вор!

Залха. Закладывают только ценные вещи.

Керемов. Молчать!

Зинят. Товарищ Керемов, помолчите сами немного.

Керемов. Что такое?!

Зинят. Я сейчас скажу одну вещь, которая сразу снимет с дяди Мусы все обвинения. Я сама видала этот счет и расписку. Они написаны новой азбукой. А дядя Муса у нас ведь неграмотный.

Муса. Тэбарэкеллах эхсаноль алигейн... Я читаю и пишу по-арабски не хуже самого Омара-ибн-аль-Фарыда.

Зинят. Ну, и что же из этого? А по-новому даже расписаться не можешь. Очень стыдно, дядя Муса.

Муса. Сегодня же запишусь на курсы и в неделю осилю эту премудрость.

Зинят. Bravo, дядя Муса! Молодец!

Керемов, Мирза-Хусейн и Салманов уходят. Колхозники, взволнованно обсуждая происшедшее, тоже расходятся в разные стороны. Остались Зинят, Муса и Сурхай.

Зинят. Дядя Муса!

Муса. Что, свет моих глаз?

Зинят. Отчего ты всегда так суров с тетей Залхой? Говорил бы ты с ней попроще, без арабских и фарсидских фраз. Ты же не мулла, на самом деле. И вообще имей в виду, что с женщиной надо быть поласковой.

Муса (*после длительной паузы*). С этого дня буду с ней ласков, как с сестрой. Твое слово — закон, о Зинят, радость моей души!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Зал колхозного клуба. Колхозники прибывают к стене большую таблицу.

Гассан. О чем собрание? Не знаешь?

Тамраз. О статье, наверно. Хоть бы эта статья его задавила.

Гассан. Кого?

Тамраз. Керемова.

Гассан. Тс-с-с... сам.

Входят Керемов и Салманов.

Керемов. Прибили? Отлично. Пусть все посмотрят, отстают наш колхоз или нет.

Гассан. На бумаге-то он не отстают.

Керемов. На бумаге, на бумаге... Не твоего ума это дело. Кончили? До свидания

Колхозники уходят.
Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Где материалы к докладу?

Салманов. В правлении.

Керемов. Принеси. И захвати бумагу. Напишем отчет о выполнении плана.

Салманов идет к выходу. Входят Зинят, Шейда и Сурхай.

Керемов. Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Подожди. (Вошедшим.) Вам что тут? Зинят. Товарищ Керемов, неужели вы никогда не бываете вежливым?

Керемов. Что такое? (Смутился.) Устал, дорогие товарищи. Жутко устал. Извините, если обидел. Идем, Салманов.

Уходят.

Зинят. Слыхали, ребята?

Шейда. Поворачивается по ветру.

Сурхай. Надо такой ветер раздуть, чтобы он отсюда совсем улетел.

Зинят. А для этого надо, ребята, как следует подготовиться выступления. Ты, Шейда, пожалуйста, подготовь Мерали, дядю Гассана, Махмуд-оглы, всех, о ком я тебе говорила. Познакомь их с этими фактами. (Дает записку.)

Шейда (смотрит). Замечательная записка! Бегу! (Уходит.)

Сурхай. Я тобой восхищаюсь, Зинят. Что ты за девушка!

Зинят. Сурхай, надоели мне эти твои разговоры.

Сурхай. А вот это меня в тебе не восхищает. Просто удивляюсь. Все положительные качества, кроме одного. Умна, красива, стахановка, организатор, оратор, физкультурница, пляшешь, поешь лучше всех...

Зинят. Чего же еще нехватает?

Сурхай. Сердечности. Не вообще, а ко мне.

Зинят (рассердившись). Сурхай! Я тебе самым серьезным образом говорю: оставь эти глупости! Я перестану с тобой разговаривать. Надоело мне! Понимаешь? (Пауза.) Ты сделал, что я тебе поручила?

Сурхай. Как только ты успокоишься, расскажу.

Зинят. Я спокойна.

Сурхай. От такого спокойствия можно повеситься.

Зинят. Ну, и вешайся. *(Идет к выходу.)*

Сурхай. Зинят! Подожди! Куда ж ты? Я хочу тебе рассказать.

Зинят *(остановившись)*. Ну?

Сурхай. Все твои директивы выполнены. На празднике урожая будет агитбригада из города, кроме наших музыкантов — еще оркестр рабочих, с постройки моста, делегаты от них, корреспонденты из редакции. Словом, той будет такой, каких еще никогда у нас не бывало.

Зинят. И ты все это сделал сегодня?

Сурхай. Весь день на телефоне висел. А что?

Зинят. Вот теперь я на самом деле спокойна.

Сурхай. Я давно стараюсь тебе доказать, что, кроме меня, никто тебя не способен успокоить.

Залха *(входит, увидела их)*. Опять!

Зинят. Тетя Залха!

Залха. Молчу, молчу. *(Оглядывает Зинят.)* Скажи пожалуйста! Что ни день, то новое платье.

Зинят. А для чего же я зарабатываю? Ты тоже могла бы не ходить целый год в одной кофте.

Залха. Э! Я уж старуха. Мое время прошло.

Зинят. Кто тебе это сказал?

Залха. Не смейся, Зинят, над старостью, а то сама состаришься, и над тобой посмеются.

Сурхай. Тетя Залха! Клянусь жизнью, сам своими глазами читал, что в Америке выходят замуж только в твоём возрасте. Какая ж ты старая?

Зинят. Если тебе придется...

Сурхай. Просто заманчивая будет фигура!

Залха. Да вы что это? Уж не просватать ли меня вздумали? Нет, дочка. В поле я еще с тобой повоюю за первое место, а в любовных делах где мне за вами угнаться.

Сурхай. А ты знаешь, тетя Залха, что тобой один человек очень сильно интересуется?

Залха. Мною? Поди ты!

Сурхай. Клянусь моей будущей бородой. Сам мне говорил.

Залха. Кто же это такой?

Сурхай. Говори ты, Зинят, а то она мне еще голову оторвет.

Зинят. Ишь ты, умный какой! А если я без головы останусь?

Залха. Да будет вам! Говорите уж.

Сурхай. Ты только, тетя Залха, учти, что мы на самом деле от этого человека официальное полномочие имеем. У него, понимаешь ты, никого нет родных, вот он нас и просил.

Залха. Да о ком это вы говорите?

Зинят *(после паузы)*. О кузнеце Мусе, тетя Залха.

Залха *(всплеснув руками)*. Ах, чтоб ему провалиться! Еще нехватало!

Сурхай. А чем же он плох, скажи пожалуйста?

Залха. Да его и не поймешь, окаянного.

Зинят. Это пройдет, тетя Залха. Отучишь.

Сурхай. А уж как он по тебе страдает! Только мы ему намекнули, что надо побриться и платье сменить, — сразу сделал... Ни перед чем не остановится, только бы ты согласилась.

Залха. Да с ним ангел не уживется!

Сурхай. Ты-то ведь не ангел, тетя Залха?

Залха. Вот уж удивили-то! А я на него заявление прокурору подать хотела, за оскорбление.

Зинят. Это он от любви, тетя Залха! Такая у него удивительная любовь! Сердится, что ты с ним неласкова, не замечаешь его, признаться — духу не хватает, вот и злится.

Залха. Побей его бог, старого чорта!

Сурхай. Какой же он старый? Чуть старше тебя.

Зинят. Неужели ты его не жалеешь?

Залха (после паузы). Надо подумать.

Зинят. Тетя Залха! Обязательно приведи его сегодня с собой на собрание. Слышишь? Кроме тебя, он никого не послушает. А нам нужно, чтоб он тут был, как вещественное доказательство. Надо же, наконец, взяться за Керемова по-настоящему.

Залха. Ох, как я с ним нынче поговорю, вот с этой самой трибуны! Каленая сковородка ему вечерней прохладой покажется!

Зинят. И Мусу приведешь!

Залха. Приведу. Что ж с вами делать?

Входят Мерали, Гассан, Тамраз, Ширали и другие. Здороваются с Зинят и Сурхаем. Зинят, Сурхай, Залха уходят. Позже входят Мирза-Хусейн и Шейда.

Мерали. Слышал, как Керемов кричал? «Льва ранили»!

Гассан. Лев!

Тамраз. Шакал он.

Мирза-Хусейн. Товарища Керемова нет тут? (Кричит.) Товарищ Керемов! Где он? (Убегает.)

Мерали (увидав вошедшего и осматривающего зал Шейду). Товарищ Шейда! Что это ты невеселый?

Шейда (подойдя к ним). С Камиле история...

Мерали (подмигнув другим). А-а! Камиле...

Шейда. Керемов запретил ей быть на собрании. Понимаете?

Гассан. Это как же так запретил?

Шейда. Так. Знаете, как он с ней обращается? Как говорится, каждую крошку на острие ножа подает.

Тамраз. А она чего смотрит?

Мерали. Не она, а ты! Ты-то сам что?!

Шейда. А что ж я сделаю?

Мерали. Что сделаешь? Тащи ее в загс, если она согласна, и все. Ты-то, я вижу, только об этом и думаешь.

Гассан. Правильно. И советую тебе это сделать сегодня, пока еще он не вернется с собрания, а то он после того, что нынче тут будет, все на ней выместит. Хочешь, води ее ко мне.

Мерали. Или ко мне.

Тамраз. Ко мне всех ближе.

Гассан. Пусть она у кого-нибудь ночь перебудет, а завтра распишетесь.

Шейда. Так уж и завтра!

Мерали. А что ж тут такого? Люди за одни сутки до Америки долетают, на полюс садятся, а ты девушки до загса не доведешь? Эх, ты! Культурная сила!

Шейда (жмет старику и другим руки). Спасибо, дядя Мерали, за совет! Спасибо! Принимаю к руководству и исполнению.

Появляются Керемов, Мирза-Хусейн, Салманов, колхозники и колхозницы, наполняющие зал. Керемов особенно величествен.

Керемов. Бери пример с меня, Мирза-Хусейн. Меня тоже несправедливо оклеветали, но я держусь львом. Видишь эту толстую папку? Все это доказательства их лжи, а моей правоты! Я их засыплю этими материалами, как лавиной. Льва ранили! Это не шутка.

Мирза-Хусейн. Где ж мне равняться с вами, товарищ Керемов? Вы великая личность, герой. А я человек простой. Здесь вас не ценят, товарищ Керемов. Вам надо быть в городе. И меня туда тоже взяли бы. Уж я бы для вас там постарался...

Керемов. Это ты утверждаешь, что я великая личность. А мальчишки с галстучками... Впрочем, что

мне на них обращать внимание? Особенно на этого бумагомараку, учительнику! Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Встань у дверей и никого ко мне не впускай. Я буду готовиться к докладу.

Салманов. Слушаю, товарищ Керемов.

Салманов занимает пост у двери. Мирза-Хусейн уходит.
Появляются Залха и Муса. Она в нарядном платье, причесана.

Залха. Иди, иди. Не смущайся.

Муса. Если радость снова предстанет моим глазам, я не буду смущаться.

Залха. Ничего не поняла. Если ты хочешь, чтобы я с тобой разговаривала, Муса, выражайся попроще.

Муса (в сторону). Помоги мне аллах не поссориться с этой женщиной.

Залха. Садись. Сними только шапку. У нас здесь в шапках не сидят.

Оба садятся. Неловкая пауза.

Удивляюсь я, Муса: отчего это ты не в колхозе?

Муса. Эль-канисетин мюстегриз эль-разим...

Залха. Что? Сатин и резина?

Муса (в сторону). О, аллах! (Ей.) Там, где Керемов, Мусы не будет.

Залха. Это хороший ответ, и понятный, и правильный. А если другой председатель будет — вступишь?

Муса. Очи смертного не способны проникнуть в будущее.

Залха. Опять заговаривается! Ну, как с тобой быть?!

К ним подходят Зинят и Сурхай.

Сурхай. Вот это я понимаю! Какая ты сегодня красивая, тетя Залха! Приветствую, дядя Муса.

Залха. Зинят, дочь моя... (Отводит ее в сторону.) Только ради тебя я с ним разговариваю, окаянным.

Муса (Сурхай). Сын мой, только ради тебя и Зинят я терплю около себя эту женщину. Понял?

Сурхай. Понял, дядя Муса. Продолжай в том же духе. Это замечательная женщина! Ты к ней присмотришься получше.

Зинят (Залхе). Это пройдет, тетя Залха, уверяю тебя, пройдет. Ты только поласковой с ним. Уговаривай вступить в колхоз.

Зал уже полон. Шум голосов заглушает слова разговаривающих. Из двери стремительно выходит Керемов.

Керемов. Тише вы! Тишина! Что за шум? Собрание это или колхозный рынок? (Звонит в колокольчик.) Салманов!

Салманов. Я.

Керемов. Пиши протокол.

Салманов. На кого?

Керемов. На всех! Протокол собрания! Понимаешь? Прошу всех занять места. Объявляю общее собрание открытым. Слово предоставляется докладчику, товарищу Керемову, то есть мне. Салманов, приглядывай за порядком.

Салманов. Слушаю. (Звонит в колокольчик, потом вновь пишет.)

Керемов (подойдя к трибуне, достает из портфеля груду материалов, раскладывает блокноты, книжки, выпивает большую кружку воды). Товарищи! Так как я предполагаю говорить не больше пяти-шести часов и этого времени мне едва хватит на то, чтобы изложить все вопросы, связанные с появлением в районной газете наглой и клеветнической статьи гражданина Шейды...

Шейда (из зала). Дайте слово!

Керемов. Не давай, Салманов.

Шейда. Я требую слова!

Керемов. Молчать! Не перебивайте оратора! И так, я говорю, за неимением времени я обойду молчанием на этот раз вопросы международного положения и общие проблемы внутренней политики и начну прямо и непосредственно с колхоза «Заря». *(Небольшая пауза.)* Товарищи! *(Значительная пауза. Львиным оком озирает зал, готовясь к следующей тираде.)*

Постепенное затемнение.

Вам известно, что наш колхоз, выполняя и перевыполняя...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Часть сцены занимает дворик с большими деревьями. Остальное пространство — внутренность дома Керемова. Безвкусное убранство. Камиле, любуется чьей-то фотографией, целует ее, потом, прижав к груди, поет.

Камиле.

Вершины гор грустят в разлуке.
В волне волос тоскуют руки.
Увозит милую корсар в фелукке.
Приди! Возьми меня, как жертву.

Вершины гор слились в тумане.
Два сердца — в трепетном молчанье.
Склонись ко мне! Хочу твоих лобзаний!
Приди! Возьми меня, как жертву.

(Вновь достает карточку и целует.)

Это видит через окно Шейда.

Шейда *(в сторону)*. Моя карточка! *(Ей.)* Вот это я понимаю!

Камиле. Ах!

Шейда. Полное совпадение ощущений, поэтических и индивидуальных вкусов, бытовых привычек,

намерений... *(Влезает в окно.)* Камиле! Родная моя! *(Схватывает растерявшуюся Камиле в объятия и целует.)*

Она вырывается.

Камиле. Ты совсем сумасшедший!

Шейда. Абсолютно.

Камиле. Уже полночь. Могут увидеть. Дядя меня на куски разорвет.

Шейда. Его уже там самого разорвали.

Камиле. Как?!

Шейда. Так. Он больше не председатель. И его прихвостней тоже сняли с работы. В общем все идет замечательно. Теперь остановка только за нашей свадьбой.

Камиле. Свадьбой?

Шейда. Да, да. Завтра, без всяких отсрочек. Скорей одевайся, бери вещички, какие тебе особенно необходимы, и идем.

Камиле. Куда?

Шейда. В загс.

Камиле. Как в загс? Сейчас? Ночью?

Шейда. Зачем? Завтра с утра. А переночуешь у дяди Мерали, или у Тамраза, или у Гассана. Они все тебя приглашают. Нет возражений? Это общее мнение всех, кто был на собрании, можно сказать — всего колхозного актива.

Камиле. Как на собрании? Разве этот вопрос обсуждался там?

Шейда. Конечно! Разумеется, не в официальном порядке, а в разговорах, между собой, как это происходит — в кулуарах.

Камиле. Шейда! Как тебе не стыдно это мне говорить?

Шейда. Камиле, я тебя предупреждаю: в присутствии твоего дяди я повторю слово в слово то же са-

мое и все равно уведу тебя отсюда. С этим примиись, как с совершившимся фактом. Ты — моя, как я — твой. Поняла? Но так как твой дядя после того, как его разорвали на собрании, вряд ли придет в особенно благожелательном настроении, а у меня, наоборот, настроение исключительно бодрое и боевое, может получиться такой грандиозный скандал, за последствия которого я не ручаюсь. Лучше поэтому, если мы уйдем до прихода дяди. Так или иначе, я отсюда без тебя не уйду. Вот — сел и буду сидеть, хотя бы меня тащили отсюда за ногу трактором.

Камиле. Шейда! Твои шутки могут меня опозорить на всю жизнь. Что скажут в деревне, если узнают, что ты среди ночи влезашь ко мне в окно?

Шейда. Поэтому я тебе и предлагаю завтра же зарегистрироваться, чтобы я мог входить к тебе в дверь.

Камиле. Боже мой, что же это такое?

Стук в дверь.

Дядя! Что же это будет? Умоляю тебя, уйди!

Шейда. Через окно? За кого ты меня принимаешь?

Камиле. Ты же влез сюда!

Шейда. Влезть через окно к своей будущей жене — это одно. А удирать через окно от ее нисколько не уважаемого мною дяди — совсем другое.

Стук усиливается.

Камиле. Шейда!

Шейда отрицательно качает головой.

Он же убьет нас! Уйди хоть в ту комнату.

Шейда. Это можно. Но ты обещаешь, что распишешься со мной завтра же?

Камиле. Шейда! Миленький! Умоляю тебя!

Шейда. Обещаешь или нет? Говори!

Камиле. Обещаю. Честное слово, обещаю.

Шейда, быстро поцеловав ее, скрывается в соседней комнате. Камиле уходит оплечь, потом возвращается в сопровождении Керемова, Мирза-Хусейна и Салманова.

Керемов. Почему столько времени не открывала?

Камиле. Я задремала, дядя.

Керемов (ей, тихо). Дай только гостям уйти из дому, я тебе покажу, как дремать. Я тебе обломаю бока. (Громко.) Иди туда, запри дверь за собой и не входи сюда, пока я тебя не позову. Оглохни и ослепни там. Слышишь?

Камиле уходит туда, куда ранее вышел Шейда. Керемов достает из шкафа вино. Салманов ставит на стол два литра водки и закуски, принесенные в портфеле.

Нет! Я этого дела так не оставлю! Какие-то мальчишки, щенки, сопляки учат меня, Керемова. Снимают меня с работы! Ха-ха-ха! Видали вы что-нибудь подобное? В двадцатом году, когда я летел на своем вороном коне, с шашкой вот так, — птицы падали мертвыми с деревьев от страха, скалы валились. А тут... Почему я не райпрокурор? Твое здоровье, Мирза-Хусейн! (Выпивает полный чайный стакан водки.) Почему я не прокурор, я говорю? Одним махом отправил бы всех их в тюрьму. Всех до единого! Твое здоровье, Салманов. (Выпивает еще один стакан.) Никак себе этого не представляю: Керемов — и вдруг без секретаря! Без права подписи! Прикажу — никто не послушает, только засмеются... Ух-х-х! Не вытерплю я этого! Не снесу!

Мирза-Хусейн. В центре поддержат, товарищ Керемов!

Керемов. Думаешь, поддержат? (Жмет руку ему, потом Салманову.) Спасибо, друзья! Этого я ни-

когда не забуду! Ты, Мирза-Хусейн, и ты, Салманов,— два настоящих человека. Когда это стадо свиней стало меня рвать и топтать копытами, только вы двое по крайней мере молчали, а в сердце, я знаю, соболезновали мне, понимали меня. Будьте оба здоровы! Цветите, как розы! Летайте, как соловьи, и, смотрите, не попадитесь на дешевую приманку! Ваше здоровье, дорогие друзья! *(Залпом выпивает третий стакан. Осовев, сел.)* Уф-ф-ф...

Салманов. Когда, товарищ Керемов, человек сидит наверху — все его ласбят, все с ним здороваются за два квартала. А стоит ему спуститься вниз — и всех друзей точно моль съедает.

Керемов. Верно, Салманов! Горькая истина. Вот поэтому я вас и люблю обоих. Вы верные люди. Дай, Салманов, твою правую щеку, а ты, Мирза-Хусейн, твою левую. *(Целует их. Потом поет, совсем уже опьянев.)*

Кто знает, куда повернется судьба? Кто знает?
Кто знает, когда твой увянет цветник? Кто знает?

(Подперев голову руками, молча смотрит перед собой. Клеует носом.)

Мирза-Хусейн *(тихо)*. Спит?

Салманов *(так же)*. Нет еще. *(Громко.)* Товарищ Керемов! Выьем за вашу великую будущность! *(Наполняет его стакан.)*

Керемов. Я уже и так пьян, не надо больше, Салманов.

Мирза-Хусейн. Вы обижаете ваших лучших друзей.

Салманов. Последний стаканчик, товарищ Керемов.

Керемов. Ладно. Последний. Ваше... *(Не допив, закашлялся. Отодвинул стакан и, упав головой на стол, замер неподвижно.)*

Мирза-Хусейн и Салманов выжидают, переглядываясь.

Салманов *(осторожно трогая Керемова за плечо)*. Товарищ Керемов, а товарищ Керемов! *(Мирза-Хусейну.)* Спит. Давай, побыстрей.

Мирза-Хусейн. Клянусь жизнью, от снадобья, которое я ему подсыпал, он проспит трое суток. Ищи.

Салманов *(шаря по карманам Керемова)*. Так. Печать. Чековая книжка.

Мирза-Хусейн. И бежим!

Салманов. Подожди. Надо взять револьвер.

Мирза-Хусейн. Проснется!

Салманов. Нашел. *(Достав револьвер, прячет.)*

Мирза-Хусейн. Идем же, говорю тебе.

Керемов приподнял голову.

Салманов. Мы вас раздеваем, товарищ Керемов, чтобы вам было покойней. Спите.

Керемов вновь засыпает. Мирза-Хусейн знаками торопит его, но Салманов продолжает шарить.

Это тоже пригодится. *(Показывает деньги.)* И часы. *(Снимает их с руки Керемова.)*

Мирза-Хусейн. Погубишь ты меня своей жадностью. Бежим!

Салманов. Не бежим, а идем.

Из соседней комнаты врывается Шейда, за ним Камиле.

Шейда. Отдать все обратно, мерзавцы!

Борьба. Камиле кричит. Проснувшийся Керемов, увидев учителя, бросается на него.

Салманов. Держите его, товарищ Керемов! А мы за милиционером сбегает.

Мирза-Хусейн. Крепче держите!

Скрываются через окно. Дрожащий Мирза-Хусейн, выпрыгнув, тут же прячется за деревом и отказывается бежать дальше.

Керемов. Попался, мошенник!

Камиле. Дядя! Это они вас...

Керемов. Молчать!

Шейда. Они вас ограбили! Слышите?

Керемов. Не пушу! Милиционер! Милиционер!

Шейда. Камиле, беги скорей за людьми! Да отпусти ж ты меня, окаянный! Вот впечился!

Камиле с криком выбегает из комнаты, пробегает мимо спрятавшихся грабителей и исчезает.

Мирза-Хусейн. Ф-ф-фу! Даже часы от страха остановились. Что ж делать, Салманов?

Салманов. Струсил? Эх, ты!

Мирза-Хусейн. Жена, дети ведь...

Салманов. Об этом раньше надо было думать. Бежим к Молла-Агабе, отсидимся у него в подвале, а потом видно будет.

Мирза-Хусейн. Идем!

Оба убегают. Шейда безуспешно старается вырваться из рук Керемова.

Шейда. Выпустишь ты меня или нет?

Керемов. Я еще не потерял политической бдительности. И силы тоже достаточно. Милиционер! Милиционер!

Убегают Камиле, Залха, Сурхай, Зияят, Мерали и другие колхозники.

Керемов. Вяжите его, негодяя!

Зияят. Вам нужно проспать, товарищ Керемов. Где у вас печать колхоза? Где чеки? Где ваш револьвер? Все ваши приятели утащили!

Керемов в изумлении ощупывает свои карманы, отпустив Шейду.

Сурхай! Скорее за ними! Ты отвечаешь мне за поимку.

Сурхай. Есть, товарищ председатель! Дядя Мерали, бери дробовик и беги к шоссе. Ты, дядя Гассан, и Тамраз, тоже туда. Мы с Шейдой обыщем рошу. А ты, тетя Залха, вместе с Зияят займешься деревней. Все дома обыщите.

Залха. Будь покоен. Все перевернем вверх дном.

Керемов. Какой председатель? Кто председатель? Она?!

Мерали. Можете ее поздравить, товарищ Керемов. Зияят единогласно выбрали вашей преемницей.

Керемов (потрясенный, опускается на стул). Машалла!

Оставив его одного, все убегают.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Раннее утро. Обстановка второй картины. Входят Сурхай и несколько колхозников. Навстречу им идет Мерали со своими спутниками.

Сурхай. Ну, как, дядя Мерали? Не нашли?

Мерали. Нет. А вы?

Сурхай. Тоже нет. И в деревне все перерыли. Понять не могу, куда они делись.

Гассан. Не иначе в птиц превратились и улетели.

Сурхай. Из деревни они не ушли.

Мерали. Значит, прячутся.

Сурхай. Идемте поищем еще.

Мерали. А где Зинят?

Сурхай. Уехала в город, рассказать о всем, что у нас случилось, предупредить банк насчет чеков, милицию и так далее...

Все уходит. Из своего дома выходит Муса, отпирает мастерскую, напевая при этом.

Муса.

Есть у тебя любимая — горя не знаешь,
Нет у тебя любимой — счастья не знаешь.

Залха (несет ему завтрак). Доброе утро, Муса.

Муса. А-а! Доброе утро, доброе утро, Залха. Нашли?

Залха. Жуликов? Как сквозь землю пропали!

Муса. Ай-яй-яй! А что это ты несешь?

Залха. Тебе.

Муса. Мне?!

Залха (смущенно). Сметаны немного и еще кой-чего. Ты наверное и не завтракаешь как следует.

Муса (потрясен). Эль-канисетин мюстегриз эль-разим...

Залха. Только, ради аллаха, Муса: забудь ты, когда говоришь со мной, эту тарабарщину.

Муса (смахнув слезу). За пятнадцать лет в первый раз кто-то подумал обо мне, и мне не приходится с утра думать самому о том, чем напитать свое бренное тело.

Залха. Проще! Проще, Муса, разговаривай.

Муса. Куда ж еще проще?

Залха. Слава богу, не маленький. Нечего зря язык ломать.

Муса. Залха!

Залха. Что, милый?

Муса. Какое слово ты сказала?! Эль-канисетин...

Залха. Перестанешь ты сатин поминать?!

Муса. У тебя не душа, а благоуханный цветник, о женщина! Как я в тебе ошибался все эти годы!

Залха. Я тоже, кажется, в тебе ошибалась. Ты не такой уж дурной.

Муса. Залха!

Залха. Что?

Муса. Ты отчего-то сегодня красивее, чем всегда.

Она радостно смущена.

Залха!

Залха. Ну, что? Что?

Муса. Теперь председателем в колхозе Зинят, да благословит аллах ее имя?

Залха. Зинят.

Муса. Я написал заявление. *(Достает из кармана.)*

Залха. В колхоз?! Молодец!

Муса. Только, как это говорится:

Взял перо, чтоб любимой письмо писать.
Задрожала рука, и не знал, что писать.

Залха. Ты, может быть, перепутал любовное письмо с заявлением?

Муса. Нет. Это самое настоящее заявление. Только на старом алфавите. Вот в чем беда.

Залха. Нашел, о чем говорить! Дам Зинят, она сама его переписшет. Давай. *(Берет заявление.)*

Муса. О, Зинят, Зинят!

Залха. Что — Зинят?

Муса. Лягевлевелля хюввэтэ биллях...

Залха. Опять в небеса залетаешь?

Муса *(не слушая)*. Билляхюль элизьюль азим...

Залха. Муса! Я сейчас же уйду, если ты не спустишься на землю. Думаешь, у меня много времени? Ну? Спустился?

Муса. Ох, спустился, спустился.

Залха. То-то. И, пожалуйста, больше не залетай, если хочешь, чтоб я с тобой разговаривала. Посуду, Муса, не мой. Я сама ее вымою.

Муса. Что ты, что ты! Могу ли я тебя беспокоить такими вещами?

Залха. А что ж с вами делать, мужчинами? Вы без нас шагу не ступите.

Муса. Нет, нет. О, Зинят, Зинят! Как ты права! Лучше быть в мире с женщинами.

Залха. Ясно, лучше. *(Идет к выходу, но остановилась.)* Муса!

Муса. Что, радость моей души?

Залха *(в сторону)*. Аллах экбер! Никто еще меня так не звал. *(Ему.)* Муса... ты что-нибудь понимаешь в болезнях?

Муса. Нет, Залха.

Залха. Жаль.

Муса. А что?

Залха. Мне хотелось тебя спросить... Только как-то неловко...

Муса. Спрашивай. Все, что знаю, — скажу тебе.

Залха. Если женщина выходит замуж с большим опозданием, могут у нее быть дети?

Муса. Дети? Эль-канисетин...

Залха. Опять?!

Муса. Прости.

Залха. Заладил про свой сатин! А я тебя о ребенке спрашиваю. У тебя дети были когда-нибудь или нет?

Муса. Были. Только умерли.

Залха. Слава тебе, господи!

Муса. Что ты говоришь, Залха? Ты радуешься их смерти?

Залха. Нет же, нет! Я радуюсь, что сама могу не терять надежды.

Муса. Я тебя не понимаю.

Залха. Когда надо будет — поймешь. До свиданья, Муса! *(Идет к выходу, где сталкивается с входящими Шейдой и Камиле.)* Что это вы с раннего утра парочкой?

Шейда. Разреши, тетя Залха, тебя познакомить с моей невестой. Идем регистрироваться. *(Шопотом.)* Пока ее дядюшка еще не проспался.

Залха. Верно?! Муса! Слышишь? Ах, вы, мои дорогие! *(Целует смущенную Камиле и хлопает по плечу учителя.)* Всякого вам счастья! Богатства, довольства и дюжину хороших ребят!

Шейда. Смотри, тетя Залха, как бы я и тебе того же самопо не пожелал!

Залха. Мне-то и полдюжины хватило бы.

Шейда. Слышишь, Камиле! Учись у старшего по-

колениа. Тетенька Залха, свадьбу мы соединим с праздником урожая, осенним тоем. Вернее говоря, не свадьбу, а свадьбы.

Залха (смутившись, грозит ему пальцем.) Ой, Шейда, Шейда!

Шейда. Что ты? Я говорю о Зинят.

Залха. Ах... А я подумала...

Муса (ошеломленный). Эль-канисетин мюстегриз эль-разим!

Залха. Опять!

Муса. Что значат, Шейда, твои слова? Открой мне их тайный смысл.

Шейда. Тут особенной тайны нету. Верно, тетя Залха?

Залха. Что уж тут говорить!

Муса. О чем вы говорите, люди? Скажите мне!

Залха. Все знают, что из Зинят и Сурхая выйдет хорошая пара.

Муса. О, слепой рок! (Падает без чувств.)

Камиле. Что это с ним?!

Залха. Помогите!

Шейда. Дядя Муса!

Все бросаются к Мусе, поднимают его и усаживают на скамью. Вбегает Сурхай.

Сурхай. Что случилось?

Залха. Сама не пойму! Я только упомянула имя Зинят, а он...

Сурхай. Можешь ничего больше не говорить. Все понятно. У него, видишь ли, с этим именем связаны очень драматические воспоминания. Тебя это, тетя Залха, не должно волновать. Это дело прошлое. Идите, а я с ним поговорю. Я в курсе дела.

Залха (отозвав Сурхая в сторону). Сурхай, милый! Может быть, ему будет легче, если ты скажешь, что я согласна?

Сурхай. Согласна?! Молодец, тетя Залха!

Залха. Не знаю только, как он.

Сурхай. Положись на меня. Если ты со своей стороны поднажмешь на Зинят, ручаюсь тебе, что в день тоя мы сыграем три свадьбы.

Залха. Услуга за услугу, сынок. Поднажму.

Сурхай. Есть!

Залха, Шейда и Камиле уходят. Сурхай склонился над Мусой.

Дядя Муса, а дядя Муса! (Трясет его.) Не отзывается. Дядя Муса!.. Эль... как бишь там? Фитин, сатин, приз, бриз, керосин!

Муса открывает глаза и прислушивается с недоумением.

Наконец-то! Очнулся! Экие у тебя нервы, дядя Муса. Поверь моему честному комсомольскому слову: это все от арабских книг. Они очень плохо влияют на мозг, утомляют его.

Муса. Это ты?

Сурхай. Ты на меня смотришь так, будто я — не я, а по меньшей мере какой-нибудь джин, если не сам шайтан.

Муса (поднимаясь). Сурхай! Залха сказала, что Зинят в день урожая выходит за кого-то замуж.

Сурхай (поблуднев). Что?!

Муса. Зинят выходит...

Сурхай. Замуж?!

Муса. Да.

Сурхай. В день урожая?!

Муса. Да.

Сурхай. Ты не ослышался? За кого?

Муса. Ты меня удивляешь.

Сурхай. Если б ты знал, как ты меня удивил! Залха не говорила, за кого?

Муса. Говорила.

Сурхай (тряся его за плечи). За кого, дядя Муса? Ради аллаха скажи мне, или у меня сердце лопнет!

Муса. Фэтэбэриэккелях эхсанюль...

Сурхай. Ты хочешь, чтобы я тут же подох? За кого?!

Муса. За тебя!

Сурхай. За меня?

Муса. Да, за тебя, да проклянет аллах твоих... Впрочем, что я говорю!

Сурхай (вне себя от радости). Нет! Верно, за меня?! Дядя Муса! Клянусь тебе дорогой жизнью...

Муса. Ах, Сурхай, Сурхай! (Пауза.) Выходит, что я стоял между двух горящих сердец? Прости меня, сын мой. Я отхожу в сторону. Вот когда я понял, как права эта женщина.

Сурхай. Какая, дядя Муса?

Муса. Залха. Она мне сказала: я должен спуститься с небес на землю. Это истина. Мне не сегодня — завтра стукнет полвека жизни. А ей каких-нибудь двадцать. Дед полюбил внучку! (Грустно, поник головой.)

Сурхай смущен.

И вот дед стукнулся своей дурной головой о камень и очнулся. Больше я об этом не скажу никому ни слова. Объясни мне только, Сурхай, почему Залха вдруг стала так нежна со мной? Почему вообще за последние дни все как-то переменялись ко мне?

Сурхай. Дядюшка Муса...

Муса. Удержи струю своих слов! Дай мне закончить мысль. Я бобыль. Никого у меня нету на свете...

Сурхай. Дядя Муса!..

Муса. Помолчи, говорю! Попроси от моего имени прощения у своей возлюбленной за то, что я оскорбил ее своей стариковской любовью. Передай ей, что те слова...

Сурхай. Дядя Муса, дай мне сказать, пожалуйста. Никаких извинений не требуется.

Муса. Не учи меня, Сурхай. Ты слишком молод.

Сурхай. Зинят ничего об этом не знает.

Муса. Как?! Ты ей не говорил?

Сурхай. Нет.

Муса. Эль-канисетин мюстегриз эль-разим! Значит, и бороду я сбрил зря по твоей милости?!

Сурхай. Не зря, дядя Муса! Уверяю тебя: не зря. Впрочем, вот тебе моя голова. Бери молот, я положу ее на наковальню, и можешь разбить ее, как орех. Я виноват перед тобой...

Муса. Нет, мой сын. Я тебе благодарен хотя бы за то, что мне не придется краснеть перед Зинят и другими. И что-то мне говорит, что я обрету некое утешение.

Сурхай. Дядя Муса! Как бы ты всех обрадовал, если бы...

Муса. Молчание! Удержи струю слов. Пойду вкушать сметану надежды.

Сурхай. Сметану надежды?!

Муса. Твой незрелый мозг не способен понять глубины, которые мне открываются в этой сметане. (Уходит к себе.)

Сурхай. Опять незрелый? А впрочем, ладно. Незрелый, так незрелый. (Тоже идет к выходу, но останавливается, услышав шум.)

Входит Керемов, которого держат Залха, Шейда, Камиле, Мерали, Гассан, Тамраз.

Керемов. Меня, Керемова, в сельсовет? Не пойду! Залха. Еще дальше отправим, если будешь так жулиганить.

Керемов. Никуда не пойду! Сяду здесь и буду сидеть. (Садится возле дома Мусы.)

Муса показывается в двери.

Керемов. А-а! Тсварищ мулла! Селям-алейкум! Прими привет и уважение! Только теперь я понял, что в этой деревне ты один — настоящий человек. Настоящий — потому что отказывался иметь дело со всем этим сбродом. Я тебя оскорблял, товарищ мулла! Извини, пожалуйста. Извини и скажи, как единственный порядочный человек: имею я право отколотить вот эту... (Указывает на Камиле.)

Камиле. Дядя!..

Шейда. Пусть только он попробует еще раз называть тебя так, как назвал. Я забуду, что я учитель, и проучу его так, как он этого стоит!

Сурхай. Тише, Шейда!

Шейда. Он оскорбляет мою жену!

Керемов (Мусе). Ты слышишь?! Он говорит, что эта девчонка, которую я выкормил и которая должна целовать мне ботинки...

Камиле. За побор? За издевательства?!

Керемов. Замолчать! Он говорит, что она его жена!

Мерали. Мы все это говорим.

Залха. Говорят тебе: они уже расписались.

Керемов (в бешенстве). А я разрешил ей?!

Шейда. Какое ей дело до твоего разрешения?

Керемов. Молчать! (Мусе.) Льва ранили! Льва! Понимаешь? Кругом обманули! Кругом! Все оказались собаками, лисами, жабами, скorpionами! Один только ты... (Пытается его обнять.)

Муса (отбросив его). Я не знаю, был ли ты львом, но то, что ты сейчас хуже собаки, это я скажу всем.

Керемов. Что? М-м-молчать!

Муса. Как только тебя убрали, я подал заявленье в колхоз.

Мерали. Верно?!

Залха. Вот оно!

Мерали. Молодец Муса!

Керемов. Весь мир опрокинулся вверх ногами! Кто вы такие? Люди или животные? Кто вы такие, что не желаете, чтобы вами руководил Керемов?! Ишаки! Крысы! Четвероногие! Лев тоже четвероногое, но он никуда не пойдет. Он ляжет и будет лежать вот здесь. (Ложится на землю.) Закрою глаза, и как будто бы ничего нет. Ни вас, ни этой проклятой деревни. Салманов! Почему не откликаешься? Где ты? Мирза-Хусейн! Подлей еще капельку... Клянусь моей жизнью и вашими: чего-то ты мне сюда подмешал. Отравить меня?! Где бутылка? Ха-ха! Бутылочка! Ничего мне не надо больше, кроме бутылочки. Керемов кончился. Бутылка, бутылка, бутылочка... (Бормочет.)

Залха. Что ж с ним делать?

Мерали (толкая Керемова в бок). Эй, дядя! Скажи нам, куда они убежали? Где они? А?

Керемов (не открывая глаз). Кто?

Мерали. Твои дружки.

Керемов (так же). В бутылке.

Сурхай. А чеки где? Печать?

Керемов (так же). В бутылке.

Залха. Совсем очумел.

Гассан. И револьвер тоже в бутылке?

Керемов. Все в бутылке. Наслаждение, уважение, сам Керемов. Лев в бутылке. Ха-ха!

Тамраз. В литровке? Или в пол-литре?

Керемов. Отстань! Раз и навсегда сказано: если подлинник... Не мешайте Керемову спать. Спать...

Сурхай. Поднимайте его. Запрет в колхозный подвал, пусть там проспится. Берите.

Керемова осторожно поднимают и несут.

Керемов. Салманов! Фиксируй: лев погибает в бутылке. Понимаете? Лев!

Камиле (закрыв лицо руками). Как мне стыдно! Боже мой!

Шейда (нежно обняв ее). Стоит ли стыдиться, Камиле? Он — одно, ты — другое. А теперь «ты» уже нет. Есть «мы».

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Поляна, разукрашенная коврами. С одной стороны стоят самовары, на другой жарят шашлык. Издали доносятся музыка, пение, смех. День урожая. Проходят принаряженные колхозники, гости. Праздничная суета. Входят Залха и Муса.

Муса (мучимый галстуком). Сними с моей шеи этот аркан любви. Молю тебя.

Залха. Я тебе нравлюсь в этом платье?

Муса. Так нравишься, Залха, что твой образ затмевает некий другой, живший ранее в моем сердце, как солнце затмевает луну.

Залха. Проще, прошу тебя!

Муса. Разве ты не поняла меня?

Залха. С тобой и не то научишься понимать. Так вот и ты тоже пойми: я не допущу, чтобы мой муж был на празднике одет хуже других. Не смей развешивать!

Муса. Не могу. Задыхаюсь. (Срывает галстук.)

Залха. Сейчас же надень!

Муса. Сколько лет я жил без него...

Залха. Сколько лет ты писал и читал по-арабски, а теперь научился по-нашему? Сколько лет ты ходил с бородой, а теперь... Между прочим, Муса, мне жаль твоей бороды.

Муса. Я ее опять отпущу для тебя, о радость души моей!

Залха. Отпусти.

Муса. Только не стягивай мне шею арканом, молю.

Залха. Молчание! Удержи струю своих слов

Муса. Эль-канисетин...

Залха. Опять?

Муса. Молчу.

Залха. Стой смирно! (Завязывает галстук.) О, господи... Как же его завязывают? Стой ты смирно! Ничего у нас с тобой не выходит...

Зинят (подбегая). Что у вас не выходит? Дай, тетя Залха, я завяжу. (Муса.) Можно, дядя Муса?

Муса. О, свет моих глаз!

Залха (ревниво). Кто свет твоих глаз?!

Муса (испуганно). Ты, ты!

Залха. То-то. Спасибо, Зинят. Все у тебя выходит лучше, чем у меня. В одном только ты отстала.

Зинят. В чем, тетя Залха?

Залха. Сама не знаешь?

Сурхай (подходит). О чем разговор?

Залха. Говорю ей, всем она хороша, одно только плохо — замуж не хочет.

Сурхай. Я ей это уже целый месяц толкую.

Зинят. Сурхай, прошу тебя... Оставь эти разговоры.

Муса (взволнованно, Зинят). Как? Разве ты...

Сурхай. Извини, пожалуйста, дядя Муса. Зинят, можно тебя на минутку по секретному делу?

Отходят на авансцену.

Зинят! Можешь мне оторвать голову за то, что я от тебя скрыл одно обстоятельство, вернее говоря — соврал. Дядя Муса, понимаешь ты, был влюблен не в тетю Залху, а...

Зинят. Ну, говори же!

Сурхай. В тебя.

Зинят. В меня?!

Сурхай. И, если ты, понимаешь ли, будешь валять дурака, тетя Залха будет несчастной и скорее всего утопится или бросится в пропасть. Ты меня пони-

маешь? Если ты хочешь ей счастья и хочешь, чтобы дядя Муса остался в колхозе, изволь сейчас же, не сходя с места, ответить мне на вопрос: любишь ты меня или нет?

Зинят. Такого обманщика?

Сурхай. По-моему, умного малого, которого стоит премировать за находчивость не чем иным, как тобой.

Зинят. А по-моему, отодрать за уши.

Сурхай. Не возражаю, если дело не ограничится только этим.

Зинят. Ну, что ответить такому нахалу?

Сурхай. Только две буквы: да. Зинят! Родная моя! Скажи!

Муса и Залха следят за ними издали. К ним подходят Шейда и Камиле. Все шепчутся вместе. Потом Камиле и Шейда подбегает к Зиняту, и Камиле бросается ей на шею.

Камиле. Зинят! Поздравляю!

Шейда. Я тоже.

Зинят. С чем?

Сурхай. Очевидно, с тем, что ты мне ответила «да».

Камиле. Ответила? Правда?

Зинят. Ну, и попадет тебе, Сурхай, от меня, когда мы...

Сурхай. Что — когда? Говори же скорее: что?

Зинят. Распишемся.

Сурхай. Счастье мое! Ребята! Кричите: ура!

Шейда и Камиле. Ура-а-а!

К ним подходят Залха, Муса, Мерали и другие.

Мерали. По какому случаю?

Залха. Сам знаешь! Той, день урожая.

Шейда. На свадьбу! *(Обнимает Сурхай.)*

Все поздравляют Сурхай и Зинят.

Муса. Зинят, радость моей души! Позволь и мне поздравить тебя и сказать два слова. Вы меня приняли в колхоз. Откроюсь вам: с первого дня я мечтал об этом, но передо мной одно за другим вставали препятствия. Теперь их нет, и я ваш, всем сердцем, всей головой. Меня мучило только одно: я не принес в колхоз ничего, кроме вот этих рук, своего молотка, щипцов и наковальни. Этого мало. Я могу дать вам больше. И пусть этот дар будет твоим свадебным даром, Зинят, и даром всему колхозу, потому что твое счастье — наше общее счастье, наше богатство — твое богатство. А для меня это будет освобождением от последнего камня прошлого. Колхозу нужно железо для моста. Правильно я говорю?

Зинят. Ой, как нужно, дядя Муса!

Муса. Несколько лет назад Молла-Атаба спрятал у себя в подвале много железа, и до сих пор об этом никто не знает. Идемте, я вам покажу его.

Зинят. Спасибо, дядя Муса. Большое тебе спасибо.

Муса. Пусть твое счастье с Сурхаем будет крепким, как это железо.

Зинят. И как твое с тетей Залхой.

Залха. Спасибо, Зинят.

Муса, Залха, Мерали и другие уходят. С другой стороны появляется сумрачный Керемов, уже вполне трезвый.

Зинят. Здравствуй, товарищ Керемов.

Керемов. Привет. Не прогоните?

Зинят. Мы изгоняем только врагов.

Керемов. Я не враг. Я слишком много верил в себя и слишком мало в других. Вернее сказать, верил не тем, кому надо. Это моя ошибка. Чем меня за нее крепче стукнут, тем мне будет, не скажу — при-

ятней, а легче. Считать себя львом, а оказаться мышью в бутылке. Невесело.

Зинят. Да, веселого мало.

На площадке появляется оркестр. Начинается «мейханэ» — состязание двух импровизаторов-куплетистов. Их окружает толпа. Вдруг внимание всех отвлекается в сторону. Муса, Залха, Мерали и другие вводят испуганных, много дней не бритых Салманова и Мирза-Хусейна. Толпа устремляется к ним.

Залха. Зинят! Смотри, что мы нашли в подвале у Моллы-Агабы!

Мерали. В какую дрянь превратилось железо Мусы!

Муса (взволнованно). Поганец мулла давно уже выкопал его и продал! (К пойманному.) Отвечайте: вы это знали?

Мирза-Хусейн (дрожащим голосом). Знали.

Керемов (растолкав всех, бросается к ним и хватая обоих за грудь). Клянусь Хазрат Аббасом, я сотру ваши имена из книги жизни! Шакалы! Предатели! Воры! Бандиты! Псы! (Машинально.) Салманов!

Салманов (так же). Я.

Керемов. Фик... (Опомнившись.) Тьфу!

Зинят. Товарищ Керемов! Оставьте их!

Керемов. Где мой револьвер?

Сурхай. Вот.

Керемов. Дай сюда! Я им тут же всажу...

Зинят. Ничего вы им не всадите, потому что вам револьвера не отдадут, ни сейчас, ни потом. Отойдите от них! Слышите?

Керемов. Негодяи!

Салманов. Пятак пара с вами.

Шейда. Правильно.

Керемов. Льва ранили! Льва! (Убегает.)

Зинят. Ведите их в сельсовет.

Мирза-Хусейн и Салманов уводят.

Муса. Вот горе! Железо-то... Лягевлевелля...

Залха. Опять?!

Муса. Не буду, не буду.

Зинят. Ничего, дядя Муса. Главное — наши руки и головы. А железо и все остальное добудем!

Играет оркестр. Начинается пляска. Пляшут поочередно Шейда и Камиле, потом Зинят и Сурхай, наконец, Залха заставляет танцевать с собой упирающегося Мусу.

К О Н Е Ц

Редактор С. Кирьянов

Подписано к печати 15/III 1941 г.
А34650. „Искусство“ № 2400. Колич.
печ. л. 2³/₄. Уч.-изд. л. 4. Колич.
печ. зн. в печ. лист. 59904. Тираж
5000 экз. Зак. 113.

Цена 2 руб.

Тип. „Красный печатник“ Гос.
изд-ва „Искусство“, Москва, ул.
25 Октября, 5

2 руб.

1
726483